

фантастическая
история

Михаил Королёв

Снасти СССР.
Агентация

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фантастическая История

Михаил Королюк

Спасти СССР. Адаптация

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Королюк М. А.

Спасти СССР. Адаптация / М. А. Королюк — «АЛЬФА-КНИГА», 2016 — (Фантастическая История)

ISBN 978-5-9922-2212-8

Андрей Соколов «попал», пусть и по собственному желанию. Он сделал первые ходы, и теперь его ищет и КГБ и ЦРУ (он слишком, слишком много знает...), а еще Комитет партийного контроля и лично «дорогой Леонид Ильич». Андрей хочет спасти СССР. А еще он хочет просто жить – на свободе, жизнью обычного советского подростка. Удастся ли ему совместить несовместимое? Удастся ли изменить Историю по-крупному? Он смог прижиться. Теперь пришло время действовать. Андрей Соколов на переломе времен... переломе, который он совершает сам.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2212-8

© Королюк М. А., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Королук

Спасти СССР. Адаптация

Пролог

Лето выгибалось золотистой дугой: поначалу невероятно длинное, достигнув же середины, вдруг принялось укорачиваться все быстрее и быстрее.

Запертый в глуши, на хуторе дальнего рижского взморья, где не было не только телевизора, но и газет, я просто жил. Начиная утро с парного молока и ломтей ржаного хлеба, присыпанных крупной солью, а потом шел бродить по знакомым лесным тропинкам. Там из утоптанной земли, расталкивая порыжевшую хвою к краям, узловатыми венами проступали сплетения корней. Покачивались на полянах лиловые метелки приземистого вереска, сквозь строй коренастых сосен долетал убаюкивающий шум волн – и все, больше ни звука. Песчаная полоса берега была чиста от людей до горизонта в обе стороны, лишь дважды в день мимо неторопливо проходил пограничный наряд, но ветер быстро затирает его следы.

Жарким днем, закончив мучить себя упражнениями, я падал спиной на разогретый песок между невысокими дюнами, разметывался витрувианским человеком и мечтал, глядя вверх. Оттуда, сквозь легкомысленную синеву и башни облаков, на меня выжидающе поглядывала Вечность.

Под этим взглядом как-то очень постепенно, но неотвратимо пожилой циник истаял, растворившись в теле подростка. На память о себе он оставил муть послезнания да горечь катастрофы.

Изменилось все. Мысли перестали кружить по поверхности, запинаясь друг о дружку; возникающие идеи теперь легко подхватывали меня и стремглав уносили вдаль. Мир стал восприниматься выпукло и ярко. Любая мелочь могла вскружить голову неожиданным восторгом: будь то запах подвялившегося на солнце покоса, беззастенчивый стрекот кузнечика или разбег прожилки на слюдяных крыльях стрекозы – все, все вокруг постоянно открывалось мне новой, волнующей кровью стороной.

Вернулась и порывистость движений. Сучковатое дерево вдруг стало вызовом, преодолеть который можно, только взметнувшись вверх до самой последней, опасно раскачивающейся развилки. Я вцеплялся в нее перемазанными душистой смолой ладонями и, запаленно дыша, победным взором окидывал открывающуюся ширь.

А еще до потемнения в глазах хотелось быть рядом с Томой, и я постоянно придумывал нашу случайную встречу. Конечно, я наизусть, до дня, знал ее планы: сначала к бабушке под Винницу, на парное молоко и черешню, прыгать с Чертова моста в Южный Буг и пугаться бодливых коров, а потом на два месяца с родителями под Феодосию, к вареной кукурузе и свежему бризу.

«Но ведь это только планы! Они же могут и измениться... А коли так, – грезил я, – то нельзя исключать и того, что они поедут не в Крым, а куда-нибудь еще. Что Крым да Крым! Они там уже сто раз были... В Прибалтике летом чудо как хорошо! И если вдруг они выберут Прибалтику, то в конце концов Томка знает, что я в Латвии. Поэтому нельзя исключить, – вводил я логичное допущение, – и того, что они могут как-нибудь проехать мимо меня на поезде или на автобусе».

Вот почему, оказавшись по какой-нибудь надобности у дороги или возле железнодорожных путей, я замирал, с надеждой вглядываясь в проплывающие мимо лица.

Ах эти расцветившие лето неумеренные мечты! Лишь иногда мне в голову тайком проскальзывала горькая мысль: «А ведь этого никогда не случится», и становилось очень не по себе.

Но вот теперь все это позади. Конец августа, и я еду убивать.

Глава 1

Понедельник 22 августа 1977 года, день

Полустанок Ерзовка, Валдайская возвышенность

– До школы! – выкрикнул снизу опечаленный Паштет.

Тепловоз в ответ энергично свистнул, а затем лязгнув сцепками и резко рванул, словно пытаясь выдернуть из-под меня старенький скрипучий вагон. Я покрепче вцепился в облупившийся поручень и высунулся наружу из пропахшего куревом тамбура. Поезд Малая Вишера – Бологое пошел в разгон, и воздух принялся перебирать отросшие за лето вихры. Я поежился от щекотки и махнул последнее «прощай» уплывающей назад фигурке.

Железка потянулась вдоль местного озера, что носит звучное, отдающее дремучей архаикой имя Зван. Я с пробуждающимся азартом вгляделся в темные воды. Увы, в этот раз так ничего и не успел – ни в лес сходить, ни потягать на зорьке рыбешку с шаткого самодельного мостка. Лишь с завистью обозрел свежую Пашкину добычу – здоровую корзину, доверху заполненную бравыми подосиновиками, да неприлично быстро выхлебал горшок плотной ухи. Пашкин дед долго томил почти черных окуней и четвертинки брызжущего соком картофеля в бульоне, оставшемся от варки раков, а в самом конце, уже сняв огромную стальную кастрюлю с огня, всыпал туда крупно нарубленные стрелки чеснока. Перед таким просто невозможно устоять! Да я и не пытался.

Ничего, в следующий раз обязательно все сделаю сам: и порыбачу, и в лес схожу. А сейчас – труба зовет.

Пашка, конечно, был не на шутку раздосадован. Он-то раскатал губу, что Дюха приехал на всю последнюю неделю, и начал оживленно расписывать ожидающие нас радости, как только я спрыгнул с высокой подножки. Здесь было все, вплоть до баньки по-черному и удививших меня своей раскрепощенностью планов на местных девчонок, однако я его жестоко обломал.

Паштет был заинтригован не на шутку и вился вокруг меня назойливой мухой, но я лишь мычал невнятно: «Надо, очень надо». В итоге он заподозрил меня в страданиях по случившейся летом любви. Я не стал его разубеждать, лишь договорился об алиби для родителей.

Вагон качнуло сильнее. Я захлопнул дверь и, подняв с пола свой багаж, пошел внутрь. Аккуратно уложил на полку дерматиновый чехол с разборным луком и стрелами – не дай бог повредится что-то, запасного плана у меня нет. Спортивную сумку, в которой под слоем сменной одежды и пакета с едой скрывались пистолет и эсэсовский кинжал, поставил на сиденье рядом с собой, перекинув на всякий случай через плечо ремень.

Достал яблоко и вдумчиво хрустел. До Москвы с пересадками трястись до самого вечера, планы обеих операций выверены сто раз, остается только качать мозг. Поэтому открыл ближе к середине «Введение в теорию множеств и общую топологию» и попытался самостоятельно вникнуть в очередную метризованную теорему. Увы, как всегда, безнадежно, лишь голова налилась тяжестью в затылке.

Кто, ну кто все эти люди, способные понять фразы: «Спектром коммутативного кольца называется множество всех простых идеалов этого кольца. Обычно спектр снабжается топологией Зарисского и пучком коммутативных колец, что делает его локально окольцованным пространством»?! И ведь это – еще только учебник для студентов...

Обреченно зажмурился, готовясь, и подтянул понимание. Сначала в висках привычно включилось басовито нарастающее гудение, какое бывает у закипающей воды, а затем неторопливо вкрутило по мерзкому шурупчику. Переждал с минуту, бездумно глядя в окно, пока острота боли не сменилась неприятной, но терпимой ноющей нотой, и вновь вчитался в текст.

Так... «В нормальном пространстве всякие два дизъюнктные замкнутые множества функционально отделимы».

Ну, для евклидова пространства это понятно даже на интуитивном уровне... Действительно, для любых двух замкнутых непересекающихся множеств существует поверхность, разделяющая пространство на две непересекающиеся части так, что каждое множество целиком принадлежит одной из этих частей. А вот в функциональных пространствах, банаховом или Гилберта, гарантировать отделимость произвольных множеств нельзя, надо разбираться в каждом частном случае...

Хватило меня минут на двадцать пять, за которые я успел понять доказательство леммы Урысона и восхититься изяществом ее логики, а затем пришла неизбежная расплата. Сначала заныло в висках, потом как будто плеснули с размаха кипятком под теменную кость, и из левой ноздри закапала кровь.

– Да чтоб тебя... – пробормотал я огорченно, успев однако подставить предусмотрительно вынутый из кармана носовой платок.

Опыт – великое дело. За лето я приноровился и теперь обычно останавливаюсь до наступления расплаты, но уж больно красивые перспективы приоткрылись мне с этой индуктивной размерностью... Не удержался – теперь опять хлюпай носом.

Я запрокинул голову, старательно не встречаясь взглядом с обеспокоенной старушкой напротив:

– Все в порядке. У меня так иногда бывает, сейчас пройдет.

Бывает, да, бывает...

Барьер оказался неожиданно высок. Уровни абстракций, на которые выходят даже студенты матмеха, даются тяжело. Хорошо, что я предусмотрительно начал подтягивать чужие понимания постепенно, начиная с крепких старшекурсников. И даже это оказалось далеко не просто. А попробуй я накинуть на себя кальку с какого-нибудь современного математического гения, то, возможно, уже пускал бы слюни в специализированном заведении. И вдвойне хорошо, что прокачка моих способностей все-таки идет!

Понемногу, но идет. Кое-какие направления за первые два курса я уже способен осознать самостоятельно, даже без брейнсёрфинга. И на сложные темы меня теперь хватает дольше...

Я отнял платок от носа, проверяя. Течь перестало, но где-то в глубине ноздри на вдохе мягко колыхался чуть схватившийся кровяной сгусток, грозя новым прорывом. Пошарил в нагрудном кармане, ища заначенный клочок ваты, и ликвидировал опасность.

Если бы раскачка моей способности к математике не шла, пришлось бы искать какой-то другой план. Ну как план... Это, собственно, и не план, а так – направление. Закладка фундамента под будущее. В любом случае пригодится.

Действуя только из-за кулис, страну от сваливания в штопор не спасти. Послезнание истории скоро закончится – еще года три, и неизбежно пойдут заметные отклонения. Конечно, у меня и тогда останется немало козырей: научно-техническая информация, понимание социальных трендов и самое главное – люди, те, которые в тот раз не скурвились. Но этого может и не хватить. Придется как-то выходить на политическую сцену самому, и маска математического гения может сработать как первая ступень ракеты, вытолкнуть меня на старте повыше. Если смогу сыграть эту роль. Если мозги позволят...

Вагон качнуло на легком повороте, колеса застучали на стрелках, колеи стали ветвиться – Бологое. Я убрал платок в карман, книгу в сумку и потянулся на полку за чехлом.

Осторожно, главное – осторожно! Сегодня я должен кинуть под колесо Истории первый по-настоящему увесистый булыжник. Главное, чтобы рука не дрогнула.

Вечер того же дня

Москва, Ленинградский вокзал

В Москве, несмотря на вечер, было как в бане: жара за тридцать и парило после недавнего ливня. На вокзале – людно и суетно, под крышей – неумолчный шум. Конец августа.

Я пробирался, узнавая и не узнавая одновременно. На удивление ровный и чистый асфальт. Нет ни бомжей, ни милиции. Никто не катит чемоданы на колесиках. Размякшие вафельные стаканчики в руках девчонок. Короткие цветастые платья до середины стройных бедер...

На выходе из здания, на Комсомольской площади, выстроившись в три ряда, терпеливо ждали седоков светло-оливковые «Волги» с пашечками на боку; вдоль Казанского неторопливо дребезжал желто-красный трамвайчик. Справа, за мостом, было просторно – там еще не встали корпуса международных банков. И, конечно, нет проспекта Сахарова.

«Если я буду успешен, то и не будет», – попытался я утешить себя.

На душе было мерзко, и ноги не шли. На бумаге задуманный размен выглядел прилично: один, мною убитый, к тысячам спасенных. Да, прилично – пока я не начинал об этом задумываться. И дело вовсе не в абстрактном человеколюбии – моими жертвами станут те, о ком с полным основанием можно повторить: «Гвозди бы делать из этих людей». Наши люди. Свои.

И от того хотелось быть.

Ну что ж... Я знал, что будет непросто, и готовился к этому.

Вдохнул, выдохнул и поднял первый щит – вот шевелится, скрипя обломками зубов, подвешенный под проклятым афганским небом «красный тюльпан». Раз.

Кол, и плачет кровью из пустых глазниц плененный шурави. Два.

«Меня ведь вылечат»? – с надеждой спрашивает у врача нецелованный мальчишка-спинальник. Три.

Поседевшие матери. Поток героина. Еще?

Лагерь Бадабер. Ущелье Хазар. Кишлак Хара.

Хватит?!

Помотал головой, развеивая вставшую перед глазами красноватую муть. Хватит...

Решительно подхватил сумки, распрямил плечи и, чуть ли не чеканя шаг, пошел к эскалатору. Готов. Да чтобы это не случилось... Да я...

Я. Готов. Убивать.

Вечер того же дня

Москва, Дурасовский переулок

Лист быстро заполнялся ломаным насталиком. На классическую арабскую каллиграфию нет времени, да и не место. Вокруг – глухой московский дворик, куда почти не выходит окон. Никто не задаст глупых вопросов: «Мальчик, а почему ты пишешь в перчатках? И справа налево»?

Заранее продуманный текст сплетается в причудливую вязь, в которой знающий фарси да прочтет:

«Его Превосходительству господину Нематолле Нассири, лично в руки.

Ваше Превосходительство, доводим до Вашего сведения информацию о том, что в рядах фракции «Хальк» Народно-демократической партии Афганистана небольшой группой заговорщиков в течение последнего года был составлен реалистичный план военного свержения правительства Мухаммеда Дауда Хана.

Учитывая устраивающий нас уровень отношений с правительством Афганистана, неподконтрольность нам группы заговорщиков, нашу незаинтересованность в возникновении неурядиц на территории Афганистана, сообщаем:

1. Ядро заговора формируется вокруг Хафизуллы Амина и Нура Тараки. Среди активных участников заговора следующие военнослужащие: Мохаммад Ватанджар, Саид Гулябзой, Асатулла Сарвари, Ширджан Маздурьяр, Абдул Дагарваль (формально не входящий в НДПА)...»

Так. Список участников... Распределение ролей... Привлекаемые силы и средства, организация связи... Очередность взятия объектов под контроль... Готово.

Покусал авторучку, еще раз взвешивая каждое задуманное слово, а потом продолжил:

«Ваше Превосходительство, мы направляем Вам эту информацию по неофициальному каналу потому, что, с одной стороны, абсолютно убеждены в нежелательности военного переворота в Афганистане для интересов СССР, а с другой стороны, не уверены, что эта позиция станет официальной в случае обсуждения данных сведений в руководстве КПСС.

С надеждой на Ваше понимание создавшейся ситуации группа офицеров Первого главного управления КГБ СССР».

Снял скрепку и устроил аутодафе скомканным копиркам, а затем старательно растер пепел. А теперь тонкая, но неоднократно отработанная ранее операция: надо аккуратно и очень плотно обернуть лист вокруг древка и закрепить концы узкими колечками лейкопластыря. Да, обернутый вокруг стрелы лист бумаги на дистанции пятьдесят метров увеличивает снос от центра мишени примерно на дециметр – проверено. Но с двадцати пяти-то метров в окно я с трех попыток должен хоть раз попасть? Зря, что ли, все лето тренировался, осваивая навык лучника?

Невольно перейдя на крадущуюся походку, поднялся по полутемной лестнице. Конечно, этот домик в глубине двора по Покровскому бульвару, на задах обнесенного высоким забором иранского посольства, тоже пасут, понятное дело. Возможно, пункт стационарного наблюдения есть даже в этом самом здании и за вот этой стеной прямо сейчас бдит наш контрразведчик. На площадке между вторым и третьим этажами я поставил сумки на пол и изучил открывающийся из окна вид. Вполне. Прямо напротив – двухэтажный особнячок, фасад его покрыт узорами на восточный мотив. Третье слева окно на втором этаже приветственно зияет открытой форточкой. То, что надо! Я даже смог разглядеть в кабинете саваковца фрагмент знакомой по его воспоминаниям обстановки.

Тихо. Из бачка для бытовых отходов пованивало селедкой.

Я приоткрыл окно, впусив свежий воздух, и опустился собирать лук. Разборный «Олимпик» был беззастенчиво стырен мной одной светлой июньской ночью из института Лесгафта. Особых переживаний я по этому поводу не испытывал, их там лежало больше десятка... Да и не баловаться взял...

Быстрыми отработанными движениями установил рогатый стабилизатор на рукоять, закрепил болтами плечи. Закрутил тетиву и зацепил за ушко к нижнему плечу. Теперь самое тяжелое, лук-то взрослый... Уперся, надавил левой ногой на рукоять и, кряхтя от напряжения, потянул лук на сгибание. Уф... Второе ушко тетивы встало в верхнее плечо. Готово.

Задышал глубже, стараясь привести себя в норму. Техникou стрельбы я овладел, а вот самоконтролем... Это ж совсем другое дело, а именно в контроле сейчас ключ к успеху. Попытался усилием воли смахнуть лишние мысли, но не тут-то было, меня по-прежнему чуть потряхивало.

От страха? От возбуждения? Сразу и не понять.

Надел напальчник и прикрыл глаза, вслушиваясь в окружающий мир. Отключить все мысли. Охватить разом все долетающие звуки. Вдох – выдох... Вдо-о-ох – вы-ы-ыдох...

Где-то вдаль по бульвару покотил от остановки трамвайчик. Порыв ветра колыхнул ветви старых тополей. Отразилось от стен предупреждающая трель велосипедиста. В проулке колокольчиком разлился детский смех. Кто-то выше громыхнул на кухне кастрюлей. Вдох – выдох...

Теперь все внимание на руки. Погладил друг о друга пальцы, пытаюсь разобраться в тончайших оттенках тактильных ощущений. Большим пальцем по указательному... По среднему... По безымянному... По мизинцу от самой верхней фаланги медленно вниз, до самой подушечки... Слегка щекотно... Вдох – выдох...

Левой ладонью свободным хватом взялся за рукоятку, правой положил стрелу на полку, хвостовик на тетиву. Снова закрыл глаза, вдох – выдох...

Заплел пальцами тетиву и чуть-чуть натянул, только чтобы почувствовать упругость лука. Вдо-о-ох – ощущаю, как входит воздух, как становится легко внутри. Вы-ы-ыдох – выдыхаю из груди все эмоции, становится еще легче. Представляю, как выдохнутое облачко беспокойства развеивается, сносится сквознячком, бесследно растворяется в кристально прозрачном после дождя воздухе, и на лице появляется след умиротворенной улыбки.

Открываю глаза и расслабленно поднимаю лук в сторону чернеющего напротив и чуть ниже меня провала форточки. Все мысли затихли, эмоции выдохнуты... Подправил левый локоть, плавно-спокойно натянул лук, задержал дыхание на полувдохе, проконтролировал растяжку по кончику стрелы... Чуть отодвинул ладонью рукоятку, тетива прижалась к подбородку... Прицел. Выпуск.

Лук начал заваливаться вперед на вытянутой руке, но успеваю заметить, как стрела легкой тенью скользнула прямо по центру форточки и задрожала, воткнувшись в спинку кресла.

Я широко, победно улыбнулся. Есть! С первой стрелы! Да я Робин Гуд!!!

Вторник 23 августа 1977 года, вечер

Москва, Павелецкий вокзал

В прокуренную каморку, на двери которой висело «Помощник коменданта», я зашел уверенно – в сумке у меня лежала бутылка нездешних форм. Великая редкость кьянти «Руффино» этим маем каким-то чудом добралось до прилавка гастронома «Стрела» и зависло там, не вызывая никакого интереса у постоянных покупателей. Увидев его, я ошеломленно поморгал и метнулся за деньгами, а вернувшись, упросил одного из стоящих в очереди бухариков взять на меня сразу три. Очередь весело погоготала, комментируя заявку от комсомола, продащица деликатно оглохла, и вот теперь я готов коррумпировать.

Офицер затравленно взглянул на очередного просителя, и я его прекрасно понимал: за те полтора часа, что мне пришлось простоять в очереди в душном коридоре, кто только сюда не заходил: и распаленный полковник-гипертоник, чей мощный рык был прекрасно слышен сквозь закрытую дверь, и мамы с орущими младенцами, и табуны молодых лейтенантов. И всем от помощника коменданта нужны были билеты. Срочно! В конце августа! Из Москвы!

Я поставил оплетенную соломой пузатую бутылку на край стола, этикеткой от себя, и изобразил смущенную улыбку:

– Товарищ капитан, очень-очень надо. От команды отстал, мне тренер голову свернет, если я на позицию не выйду... – Я тряхнул чехлом с луком. – Пожалуйста, помогите, я от ЦСКА выступаю...

– Какая правильная молодежь у нас растет! – воскликнул оживший на глазах капитан и ловким отработанным движением засунул презент в тумбу. Посмотрел на меня с веселой приязнью: – Куда и сколько?

– Да один, любой, на ставропольский, на сегодня. – Я на радости поддернул сумку и чертыхнулся про себя, услышав, как глухо стукнулся пистолет о рукоять кинжала.

– Садись, – кивнул помощник коменданта в сторону стула и взялся за телефонную трубку: – Ритуля-красуля, посмотри мне из брони один на сегодня на семьдесят седьмой...

Ожидая ответа, он механически постукивал кончиком карандаша по столу. Я же, расслабившись, наблюдал, как, извиваясь, поднимается к давно не беленному потолку струйка дыма от положенной на край пепельницы сигареты.

Все вроде в порядке. В САВАК послание закинул, афганскому послу – тоже, прямо на кухню. По идее, должно хватить. До верхов точно дойдет, иранец – один из многочисленных племянников Нассири, главы САВАКа, иранской разведки; посол Афганистана в Москве –

шурин Дауда Хана, президента. А как отрабатывать такую информацию, и там и там знают хорошо.

Афганский лидер последние четыре года сидит словно на вулкане: мятежи и попытки переворотов идут косяком, причем все со стороны проамериканских и клерикальных группировок. Не любят они «красного принца» за тесные связи с СССР, непокорность и реформы. А теперь еще и леваки зашевелились. Чем это все само по себе закончится, мне известно. Вот пусть заинтересованные стороны, сам сардар Дауд и шах Ирана, уже инвестировавший в соседа почти миллиард долларов, и стабилизируют ситуацию. Сохранение там статус-кво на ближайшие годы – это лучшее, что можно представить для Союза. Шурави сейчас на улицах Афганистана – подчеркнуто уважаемый человек, в доме – по-настоящему желанный гость. Там даже межклановые стычки приостанавливают, когда экспедиции советских геологов надо проехать по дороге, где идет стрельба! Вот пусть так все и остается.

Тут воображение опять сыграло со мной дурную шутку, причудливо исказив запах сигаретного дыма. Я стремительно позеленел и громко сглотнул.

– Ты чего, паря? – встревожился капитан, оторвав трубку от уха.

– Траванулся... – пробормотал я, прислушиваясь к взбунтовавшемуся нутру.

– Да? – Хозяин кабинета ехидно заулыбался. – Очень на птичью болезнь похоже.

– Это на какую? – напрягся я.

На память приходило только: «Доктор сказал, что у меня какая-то болезнь, то ли два пера, то ли три пера».

– Перепел, – коротко бросил помощник коменданта, все так же насмешливо скалясь.

– А... Нет, не пил...

– На воды, – набулькал он из мутноватого графина.

Я быстро влил в себя стакан затхлой тепловатой водицы, и меня чуть отпустило.

Зря, зря я так глубоко залез в память саваковца – теперь в запахе любого дыма стало чудиться паленое человеческое мясо. Гадость какая, эти его любимые воспоминания, брр... Перед глазами опять промелькнула картинка с извивающимся на раскаленном железном столе женским телом, в ушах раздался вой, в котором не осталось ничего человеческого...

Я вскочил и стремительно рванул в дверь.

Минут через десять вернулся, расслабленный и бледный, и молча прислонился к косяку. Капитан взглянул с сочувствием и протянул записку:

– На, болезный, иди в воинскую кассу без очереди, я позвонил. Одно верхнее в купе пойдет?

– Спасибо громадное, – обрадовался я.

– Еще воды?

Я помотал головой:

– Нет, вроде отошло. Спасибо, товарищ капитан, выручили!

Я с облегчением поспешил к кассе. Отлично, успеваю, до отправления ставропольского поезда еще три часа.

Мысли о предстоящей операции немного отвлекали от того шершавого кома, что саднил в груди.

Уж здесь-то я кругом прав, однозначно. Пусть он еще не начал, но ждать-то зачем? И передоверить это письмам не могу, ненадежно. Я просто нанесу удар превентивного возмездия. Использую высшую меру социальной защиты. Имею право. Да и обязан.

Четверг 25 августа 1977 года, день

Новошахтинск

Городок встретил меня рядами пыльных пирамидальных тополей, стендом с газетой «Знамя шахтера» и оригинальным памятником «глыба антрацита». Черный кусок породы раз-

мером с ковш экскаватора металлически поблескивал с постамента неровными сколами. Я обошел по кругу, с интересом потрогал. На пальцах остался темный след. Вытер о линялое трико и огляделся.

Ну вот я и тут. И где мне прикажете его искать? Нет, примерно-то предполагаю, провел изыскания... Дом, училище, гараж, на лавочке у пруда – но тут как повезет. Придется порыскать.

Наклонился, затянул потуже шнурки на темно-синих стоптанных кедах и отправился осматривать места.

Мой энергичный поначалу ход скоро замедлился, перейдя в неторопливую прогулку. Чем глубже я забредал в немощенные переулочки со смешными названиями, чем дольше емко вдыхал долетающие из садов запахи, тем явственней меня отпускало. Постепенно, исподволь, этот городок вымыл из меня напряжение последних дней – так морская вода чистит погруженную в нее рану. И вот я уже не ношусь, а расслабленно бреду, улыбаясь встречающимся забавностям вроде стыка Зеленого переулка и Красного проспекта, крепких сортирных будочек во дворах многоквартирных домов, гневливо раздувающимся на посвистывание индюку.

– Пройдусь по Абрикосовой, сверну на Виноградную, – промурлыкал я. – Настоящему индейцу завсегда везде ништяк!

В теплом и сухом воздухе разливался тонкий аромат спелых яблок, и как-то сама собой пришла чуть кружащая голову истома. Прикупил кефир и свердловскую слойку, а затем привольно расположился прямо на траве под старой дуплистой грушей. Первой в ход пошла хрустящая, посыпанная сладкой крошкой корочка, а затем я принялся слой за слоем разматывать и отправлять в рот ажурный, слегка промасленный слоеный мякиш.

Эх, сейчас бы сверху чашечку капучино еще... Хорошо-то как... Еще найти бы побыстрее объект, иначе я тут зависну. И что тогда, ночевать под кустом?

Я поштался по Новошахтинску еще с часок, заглядывая в запланированные для осмотра места. Нигде нет. Его жену с детьми на улице видел, а в квартирке на звонок никто не откликнулся. В училище не нашел. В спортгородке тоже нет. Гараж заперт. Где же он бродит?

Несмотря на неудачу поисков, на меня навалилось какое-то пофигистическое состояние. «Наверное, откат после московских эскапад», – лениво подумалось мне.

Вроде должен волноваться, мандражировать, ан нет. Под деревьями в прозрачной тени воздух был подобен парному молоку, и я плыл в нем, как в море блаженства, периодически выныривая в пятна солнечного света.

Впрочем, все заканчивается.

– Эй, пацан! – с надрывом окликнул меня тонкий голосок. – Десять копеек дай!

Я вынырнул из нирваны и оглянулся. Позади метрах в трех стоял, задиристо скалясь, сопляк лет двенадцати. В скверике за ним сидела, внимательно наблюдая, напряженная троица примерно моего возраста.

«Понятно... Надо ломать им сценарий. Неохота ни махаться, ни бегать от них по городу. Заодно, может, что на косвенных прокачаю».

– Пойдем, – бросил я мелкому задире, на ходу пытаюсь определить в тройке лидера.

Справа сидел крупный лобастый парень. Рыхловат и трусоват. Да и глуповат, похоже. Нет, не он. Чуть улыбаюсь, увидев выглядывающие из-под эластика треников белые носки. По центру, увидев мою ухмылку, напрягся жилистый. Этот в драке может быть опасен – возможно, знает бокс. Ага! Жилистый вопросительно посмотрел на жгучего брюнета, что слева. Суду все ясно. Встречаюсь с цепким и умным взглядом. Нет, этому драться в лом, но ритуал... Чужой на районе...

– Привет, пацаны. – Я протянул руку старшаку. – Поможете?

Брюнет на мгновение замер, раздумывая, потом пожал руку. Приподнял бровь, как бы говоря: «Это еще ничего не значит», сплюнул шелуху и спросил с ленцой:

– Я тебя тут не видел. К кому приехал, с какого района?

Я непринужденно расположился на скамейке напротив, не торопясь разыскал в сумке кулек с карамелью «Мечта» и протянул:

– Угощайтесь. Не знаю я ваших районов...

Кулек подвергся разграблению, а жилистый, нагло глядя мне в лицо, взял сразу три. Я тоже хрустнул сладковато-кисленькой карамелью и сгенерировал версию:

– К Ваське приехал, закорифанились летом на практике. Он на сварщика учится здесь.

– А-а-а, – протянул брюнет понимающе. – Это с тридцать девятого училища, значит. А с какой группы?

– А фиг его знает... – И я осторожно прозондировал: – Помню, что классного Антенной зовут, учитель русского.

Парни дружно заржали.

– Карманный бильярдист! Есть такой... У нас огороды рядом, на Красной горке. Каждый вечер там копается, придурок.

Это я удачно присел!

Как говорил Штирлиц, запоминается последнее, поэтому я еще с полчаса протрепался с парнями. Рассказал несколько анекдотов про Штирлица, потом сравнили «Роллинг Стоунз» и «Лед Зеппелин», поспорили, кто круче, Ричи Блэкмор, Дэвид Гилмор или Эрик Клэптон, посожалели о смерти Элвиса Пресли. Когда я собрался уходить, брюнет сказал:

– Если с Тельманки кто встретит, говори, что с Цыгой ходишь.

– Тельманка?

Парень неопределенно взмахнул рукой:

– Шахта тут имени Тельмана, видишь – вон террикон? Район вокруг – Тельманка. Вон там – кировцы. У кинотеатра «Волга», – еще один указующий жест, – волгари. В ту сторону – Южный. А там – Израиль.

– А тех-то так за что?

– Не знаю... – Брюнет ловко цыкнул между зубов. – До нас повелось.

К Красной горке, одному из старых терриконов за южной окраиной, я вышел через полчаса, когда в ложбинах уже повис плотный сумрак, а в недалеком пруду начали, захлебываясь, орать лягушки. И почти сразу впереди нарисовалось нужное мне тело с ведром картошки в одной руке и лопатой в другой.

Я крутанул головой, оглядываясь. Безлюдная дорожка длинной дугой пролегла промеж двух заросших холмов, по бокам – плотные ряды лозняка. Идеально.

Опустил руку в сумку и нащупал вспотевшей ладонью рукоять кинжала. Во рту пересохло, в глазах чуть заребило.

«Так, только прямой хват, это будет не самооборона. Все должно решиться за пару ударов, – думал я, глядя сквозь уже близкую цель. – Сзади в печень, потом сразу в горло. Режим в пруд, переодеться – и на автобус в Ростов, на ночной поезд».

Я чуть посторонился, пропуская, и взглянул ему в лицо. Простое любопытство. Неужели действительно ничего такого в глазах не увижу?

Не увидел.

Мы разминулись на шаг, и я, резко крутанувшись, попытался насадить его на лезвие.

Он, как оказалось, действительно обладал животным чутьем и ловкостью обезьяны. Непостижимым образом уловив мой выпад, сумел изогнуться так, что клинок вошел в правый бок от силы сантиметра на три, а мой второй выпад вслед и вовсе пропал втуне.

И вот мы стоим, напрягшись, друг напротив друга, его губы крутит злая улыбка, а в глазах разгорается Зверь.

Я поменял стойку, выставив чуть вперед левую ногу, и сделал обманный выпад к его бедру. Он повелся, сначала заголошнно отскочил, а затем перешел в бездумную атаку, пытаясь достать меня махом лопаты наискосок.

«Дурашка, да кто ж так делает, – поразовался я. – Сколько сразу мертвых зон открылось».

Полшага вбок, быстрый наклон, и лопата свистит над головой. Стремительный рывок вперед и влево. Резко выбрасываю руку, и вот теперь кинжал легко, по самую гарду, вошел под правое ребро. Я на мгновение замер, глядя, как на его лицо напоззает обиженная гримаса, затем с проворотом вытянул лезвие и, зайдя за спину застывшей в шоке фигуре, спокойно ударил под левую лопатку. Колени у него подогнулись, и он сложился, сползая с клинка.

Перед тем как свернуть за поворот, я оглянулся. Он лежал посреди рассыпавшейся картошки уже расслабленно и был обманчиво похож на человека.

«Вот и все, – выдохнул я. – Сделано».

Вытер рукавом распаренный лоб и глубоко, с облегчением выдохнул. Уравновесил? Не знаю... Но внутри стало чуть лучше.

Прежде чем сесть в автобус, окинул взглядом окрестности, запоминая место, куда я больше не вернусь. С востока крадучись пришла ночь, злодейски выпив дневные яркие краски, и оттого земля там уже слилась с небом темным кобальтом, и террикон, возвышающийся над городком днем, растворился в нем без следа. На западе же день окончательно укатил за горизонт, но напоследок выдохнул вверх тихую улыбку, и она млела рубиновыми переливами в перьях облаков.

Пора. Я сделал глубокий вдох, пытаюсь уловить аромат садов, но вонючий пазик перебил все. Слегка разочарованный, я втиснулся в салон. Все, меня здесь больше ничто не держит, даже любопытство. И так знаю наперед, что будет. Да, завтра этот небольшой шахтерский городок зашумит, обсуждая дикое убийство. Зарыдает, прижимая к себе двух маленьких детей, безутешная вдова, и проклянет того, кто зверски зарезал отличного отца и мужа. Выступят над могилой опечаленные педагоги, скажет веское слово парторг... Через положенное число дней придут на кладбище соседи, помянут светлую память и занюхают черным хлебом. Потом в ноги встанет надгробие, и над увядшими цветами будет выбито:

Андрей Романович Чикатило

16.10.1936 – 25.08.1977

Но это будет потом. А сейчас мне пора возвращаться.

Глава 2

Вторник 30 августа 1977 года, вечер

Москва, район Ясенево

Андропов приехал «в лес» на закате, разминувшись на подъезде с колонной автобусов, что повезла сотрудников Первого главного управления по домам. Опустилась и автомобильная стоянка, где посреди рабочего дня можно было увидеть самое, пожалуй, большое скопление личного автотранспорта в СССР.

Отличный новый комплекс с конференц-залами, библиотекой, спортивным центром, бассейном и собственной поликлиникой свалился на разведчиков неожиданным подарком в семьдесят втором, когда от него по причине удаленности от центра отказался международный отдел ЦК. Сейчас высоченное главное здание, напоминающее поставленную на попа раскрытую книгу, темнело окнами, лишь кое-где на этажах продолжалась работа.

ЗИЛ беспрепятственно проплыл сквозь два контрольно-пропускных пункта и затормозил у словно выдутого парусом в небо козырька главного входа. Юрий Владимирович вышел из салона и огляделся. Вдали, у декоративного пруда, из строя подсвеченных заходящим солнцем берез привычным темно-красным пятном выступал бюст Ленина. Правее, несмотря на вечернее время, неторопливо возились рабочие, готовя фундамент под монумент «Неизвестному разведчику».

Андропов задержал взгляд, перебирая в уме горькие потери. Сколько их было за эти десять лет, уже при нем, исчезнувших, замученных и просто убитых... Сухие строчки рапортов каждый раз всколыхивают память о венгерском мятеже, и по коже ползет озноб. Враг жесток. Порой – нечеловечески жесток.

Опять плывут перед глазами растерзанные тела коммунистов: повешенные, выброшенные из окон, заживо сожженные, с лицами, залитыми кислотой... Танька, наблюдавшая эти ужасы из окна посольства, посидела за день. Его веселая и задорная жена растворилась в том кошмаре, оставив после себя лишь тихую и пугливую тень, боящуюся выходить на улицу даже в Москве, и психиатры только руками разводят.

И все равно он ее любит!

Юрий Владимирович еще чуть постоял, оттаивая. Он ее обогреет, время еще есть...

В уме вдруг, словно ярко-красный поплавок из-под темной воды, сама собой вынырнула строфа:

И пусть смеются над поэтом,
И пусть завидуют вдвойне
За то, что я пишу сонеты
Своей, а не чужой жене.

Такое с ним случалось. Он любил и умел писать стихи, правда, только в стол. Не Пушкин, конечно, но уже и не графоман.

Андропов повертел в уме пришедшие слова, примеряясь, и прибрал в память на дальнюю полочку, как бережливый хозяин откладывает найденный кусок железа в угол сарая, – вдруг да пригодится.

Сзади почти неслышно пристроился верный порученец, и председатель КГБ отмер. Вперед. На эту операцию у него большие, очень большие надежды. В юности, когда ходил на корабlike по Волге, он услышал от боцмана запомнившуюся фразу: «Жизнь, Юра, как мокрая палуба. И чтобы на ней не поскользнуться, передвигайся не спеша. И обязательно каждый раз выбирай место, куда поставить ногу!» Этим искусством надежного движения вверх Юрий Вла-

димирович овладел в совершенстве, но сейчас, в случае успеха с «Сенатором», можно будет, наверное, и прыгнуть... Непривычный уровень риска бодрил, как раскушенная таблетка ментола.

На контрольно-пропускном пункте в здании Андропов дисциплинированно предъявил дежурному сержанту пропуск. Не стоит нарушать продуманный порядок. Здесь даже документы непростые: без фамилий, только фотография, номер пропуска и личный номер разведчика.

Зайдя в свой рабочий кабинет, Андропов расслабился. Ему нравилось работать «в лесу» – больше, чем на Лубянке, и гораздо больше, чем в Кремле. Как минимум два дня в неделю, обычно вторник и пятницу, он целиком выделял на внешнюю разведку и даже на партийный учет встал именно здесь, в Ясенево, в Первом главном.

Порученец донес портфель до стола и обернулся, ожидая распоряжений.

– Василь, чайку сделай, – кивнул ему Андропов. – И позвони Борису Семеновичу, пусть идут.

Буквально через пять минут на пороге нарисовались две фигуры.

– Что-то видок у вас, товарищи, подозрительно смурной. Чую, не радовать пришли, а ведь посольство-то вовремя полыхнуло. – Андропов встретил вошедших сдержанной улыбкой и энергично махнул рукой в сторону овального стола для неформальных бесед. – Садитесь туда. Сейчас чай сготовится, и начнем.

Чернявый и верткий Георгий Минцев, впервые оказавшийся в этом кабинете, немедленно воспользовался разрешением и вольготно раскинулся в кресле, походя стянув пару сушек из стоящей на столе хрустальной вазы. Задорной наглости подполковнику было не занимать, и сколько бы жизнь ни была, веселая бесшабашность при общении с начальством оставалась его визитной карточкой. Если бы не Иванов, вовремя обнаруживший странную логику в головокружительных загулах мысли одного из своих многочисленных подчиненных, служил бы сейчас Жора где-нибудь в Горном Алтае. Но Борис Семенович разглядел под маской оболтуса родственную душу умного авантюриста и выдернул его к себе поближе, поместив в восьмой отдел Управления нелегальной разведки, под бок к Лазаренко. На благодатной ниве «прямых действий», как коротко обозначают в Конторе неблагозвучные «террор и диверсии, разведка иностранных подразделений спецназначения», талант Жоры к неординарным решениям расцвел буйным раскидистым чертополохом, время от времени нанося весьма болезненные уколы главному противнику в ходе той незримой мужской игры, что шла все эти годы по земному шару.

Иванов неодобрительно приподнял бровь, призывая Жору к серьезности хотя бы в кабинете председателя КГБ, и привычно зашел за плечо что-то быстро дописывающего в рабочую тетрадь Андропова.

– Давно было пора снести, – фыркнул, прочтя. – Устроили, понимаешь, место для паломничества. Тоже мне нашли великомученика – Николая Кровавого.

– Верно, – кивком согласился Юрий Владимирович и, захлопнув рабочую папку, выбрался из кресла. – Ладно, это все мелочи. Пойдемте послушаю, что вы намыслили, сверимся и подумаем, как дальше жить.

Устроились в креслах, налили чаю. Василь выгрузил с подноса плошку с темным медом, блюдечко с тонко нарезанным лимоном и ушел, аккуратно притворив дверь.

Андропов резко посерьезнел:

– Так. Борис Семенович, расскажите для зачина про молодого человека.

Иванов, чуть прищурившись, оценивающе осмотрел Минцева, словно в первый раз того увидел, и после небольшой паузы начал излагать:

– Толковый... Я его, Юрий Владимирович, девять лет назад заприметил. Мы, помните, тогда, в шестьдесят восьмом, угнали из Кампучии американский ударный вертолет. Там спец-

наз США в тридцати километрах от границы с Вьетнамом оборудовал в джунглях лагерь для разведывательно-диверсионных групп. Заодно разместили полтора десятка транспортных вертолетов и четыре – огневой поддержки. Вот как раз Георгий тот невероятно наглый план и предложил, посекундно расписал варианты... А Лазаренко лично исполнил. Наши вдесятером уничтожили летный состав и вертолеты, а последнюю «Кобру» со всей новейшей электроникой увели. Потом год преподавал на спецкурсах под Балашихой, и я его перекинул в оперативный штаб отдела «В». В семьдесят первом предложил крайне нестандартный и в итоге удачно реализованный план экстренной эвакуации вскрытой в результате предательства Лялина особой диверсионно-разведывательной группы армян-киприотов... Выдернули всех, ни ЦРУ, ни англичане до сих пор не могут понять как. В семьдесят пятом готовил ликвидацию Бразинскасов¹, но ЦРУ успело увести их из Турции. Мозамбик, Ангола... Последний год руководил планированием действий Управления диверсионной разведки на особый период. Ручаюсь.

– Солидное прошлое. – Андропов перевел внимательный взгляд на Жору. – Надеюсь, будущее станет таким же. Все в ваших руках, товарищ подполковник.

– Я понимаю, – невольно подтянулся Минцев. Он действительно понимал. – Поверьте, товарищ Андропов, я не предам.

Председатель кивнул, довольный, что подполковник услышал невысказанное.

– Если бы были сомнения, вы бы тут не сидели. Давайте показывайте нестандартность мышления.

Иванов меланхолично хрустнул зажатой в кулаке сушкой и подтянул поближе мед. Впрочем, невнимательность его была нарочитой, и по скулам время от времени прогуливались желваки. Жора чуть повел подбородком вбок – этот дурацкий жест, каким-то непостижимым образом перенятый от штабс-капитана Овечкина, появлялся у него при сильном волнении, и начал чуть придушенным голосом:

– Я предлагаю сначала обсудить сам феномен «Сенатора» и возникающие в связи с этим гипотезы, а потом перейти к ведущемуся оперативному расследованию, оценить значение добытой информации и утвердить направления дальнейшей работы.

– Принимается. – Андропов опустил на столешницу сцепленные ладони и слегка подался вперед. Взгляд его приобрел почти физическую остроту.

«Еще чуть-чуть, – нервно хохотнул про себя Жора, – и можно будет мух на лету накалывать».

Он вытянул из стакана карандаш и излишне решительно, ломая кончик грифеля, провел поперек листа две линии. Вместо того чтобы выстраивать первую фразу доклада, мозг тут же охотно зацепился за эту неуместную резкость и сыграл с хозяином злую шутку, занявшись оценкой метафоричности жеста: «Словно отчеркнул бытие мира до. Подвел итог, и с чистого листа...»

Вот уже три с половиной месяца, с того самого памятного утра, когда Иванов предостерегающе повел бровью и со словами: «Перед прочтением съесть» протянул папку с материалами по «Сенатору», Жору не оставляла мысль о разломе, делящем все на «до» и «после». В наполненную обыденными и привычными опасностями жизнь вторглось что-то совершенно неожиданное и запредельно неведомое, что-то, что прямо сейчас делает миру бросок с переворотом, ломая знакомые схемы. Уйдя с головой в работу, забывая про сон и еду, Минцев маялся от слепоты окружающих – никто вокруг и не подозревал, что живет уже в новом, неожиданном будущем. Подполковник привык быть секретоносителем самого высокого уровня, но носить в себе эту тайну было... некомфортно.

¹ **Пранас Стасис Бразинскас, Альгирдас Бразинскас** – отец и сын, литовцы. Совершили первый в истории успешный угон советского самолета.

Жора длинно втянул воздух и приступил к докладу:

– Товарищи, основное отличие «Сенатора» от любого иного источника – это сверхинформированность. Именно этот феномен, естественно, в первую очередь привлекает внимание. Чтобы проверить, реальная это сверхинформированность или мнимая, логично разделить все полученные нами от этого источника данные на три группы.

К первой отнесем секреты высокого уровня – то, что в принципе было известно хотя бы нескольким. Это подробности проводимых против нас шпионских операций, информация о действующих и бывших предателях, о террористах, стоящих за январским взрывом в Москве.

Ко второй группе относится то, что мог знать только один человек, непосредственный исполнитель. Это серийные убийцы, ленинградский насильник и фальшивомонетчик. С высокой степенью вероятности сюда же, а не к первой группе относятся и вступившие на путь подготовки к предательству Митрохин и Толкачев. По крайней мере, нам, несмотря на все усилия, не удалось найти доказательства того, что они успели вступить в связь с противником. – Говоря, Жора быстро заполнял лист значками, отмечая под ними размашистым корявым почерком проговариваемые пункты. – И третья группа – то, что, исходя из современных представлений, не мог предсказать вообще никто. Это прогноз цен на нефть, на золото и на зерно, катастрофическая засуха в Бурятии, авария в Нью-Йорке и пожар в посольстве США в Москве.

Слова доклада веско падали в тишину кабинета. Андропов слушал, время от времени как-то по-птичьи, с легким наклоном к плечу, поворачивая голову, и тогда в стеклах его очков бликовал стоящий позади Жоры светильник. Иванов же застыл неподвижной глыбой, лишь при упоминании предателей его ладони крепко сжали подлокотники.

– Теперь что у нас с достоверностью представленной информации... – Жора прошелся взглядом по кругу. – Если кратко, то все, что мы смогли проверить, подтвердилось. Ни одного промаха даже в третьей группе. Системная авария на двадцать пять часов в Нью-Йорке, пожар в посольстве с разлетом бумаг в указанном направлении, засуха в Бурятии, золото действительно упало в цене к концу июля примерно на десять процентов. Чем больше мы проверяем, тем больше получаем подтверждений.

– Кстати, – вмешался Андропов, – причину этого отключения в Нью-Йорке выяснили?

– Да, – вступил в разговор Иванов. – Наши контакты сообщают о попадании в течение короткого промежутка времени трех молний сначала в подстанцию, потом в ЛЭП. Это стало причиной критической перегрузки в сети и вывода ее из строя.

– Если это и правда косвенный результат каких-то запланированных воздействий... Нам будет непросто, – озабоченно покачал головой Юрий Владимирович. – Хорошо, продолжайте.

– Подведу промежуточный итог, – кивнул Жора. – Ключевой вопрос в том, действительно ли мы имеем дело с осведомленностью, выходящей за рамки возможного. Есть всего два варианта ответа на этот вопрос: нет и да. Если нет, то наш контакт – это некая группа информированных людей, лишь имитирующих сверхзнание.

– Вы все-таки не исключаете, что нас играют? – Андропов резко подался вперед.

– Не исключаю и не должен исключать. ЦРУ, СИС... Да то же ГРУ. Но последние все же вряд ли... Смотрите, значительная часть предсказаний пришлась на территорию, контролируемую главным противником. Отключение электричества в Нью-Йорке, пожар в посольстве, изменение цен на биржах. Все это теоретически могло быть подстроено специально. Остальное хоть и с натяжками, но может быть объяснено рационально. Предатели – сдали часть своей сети. Информация о преступниках – создали специально под эту операцию сеть осведомителей или в преступной среде, или в милиции. Или и там, и там. Климатическая аномалия в Бурятии – научились моделировать. Всё. – Жора решительно прихлопнул по листу и подтолкнул его вперед, словно предлагая слушателям полюбоваться.

– Как минимум мы должны иметь в виду эту возможность, хотя, безусловно, многое в этом предположении натянуто, – отмер Иванов. – Но легкая паранойя в нашей работе еще никогда не вредила. Однако основной довод против игры с нами – избыточность предоставленной информации. Если цель писем – подставить нам вызывающий доверие источник, то можно было ограничиться меньшим объемом сведений. Намного меньшим.

– Да с тем же пожаром в посольстве, – не выдержав, влез Минцев. – Достаточно было просто назвать дату. По каким именно улицам все это бумажное богатство разлетится, можно было и не говорить, мы бы все равно собрали все до последнего листочка. А тут был совершенно ненужный риск неправильного прогноза. В конце концов знать, куда подует ветер в этом районе в момент разлета бумаг, да за три месяца до события...

Андропов еще раз с силой потер сцепленные ладони и глухо бросил:

– Я вас понял. Продолжайте.

– Если же мы отвечаем на вопрос «да» и признаём наличие сверхинформированности, то гипотезы далее идут несколько... э-э-э... нестандартные. Нам придется выйти за рамки обычного. – Жора чуть мечтательно улыбнулся. – Кстати, как оказалось, здесь уже есть на удивление много наработок, на которые можно опереться.

– Да? – неподдельно удивился Андропов. – Институт «Прогресс»?

– Да нет, какой институт, – пренебрежительно отмахнулся Минцев. – Фантасты, и наши, и зарубежные. Я за это лето стопку фантастики с меня ростом перечитал, там очень много идей под нашу ситуацию наработано. С некоторыми советскими фантастами даже консультировался несколько раз. Втемную, разумеется, как журналист. – Он притянул лист и снова принялся выводить квадратики, теперь в правой половине листа. – Минус у всех нестандартных гипотез один – приходится делать одно большое, фантастическое на сегодня допущение. Зато, приняв это допущение, дальше можно объяснить все. Фантастическое допущение – это плохо. Но, к примеру, в стратегической дезинформации надо делать сразу несколько крупных допущений. Как показывает опыт, это никогда не работает. Итак, я выделил четыре группы гипотез, по числу допущений. Назовем их «Инсайт», «Зеленые человечки»...

– Пришельцы, что ли? – насмешливо фыркнул Андропов.

– Инопланетяне, если точнее.

– Так и пишите. Знаете, откуда вообще эти маленькие зеленые человечки пошли? В смысле – именно маленькие и именно зеленые?

Минцев покачал головой.

– Анекдот натуральный! – тонко улыбнулся Андропов. – Хотя мы долго потом проверяли, большая операция была... Американцы после войны вывезли около ста трофейных ФАУ-2 и испытывали их на полигоне в штате Нью-Мексико в рамках разработки баллистических ракет большой дальности. Вместо боевой части использовались отстреливаемые на конечной фазе полета контейнеры с оборудованием. В некоторых экспериментах с суборбитальными запусками в контейнерах были макаки в специальных примитивных скафандрах. Один раз из-за сбоя такая ракета отклонилась от траектории и улетела в Мексику. Потом спустя несколько месяцев фермер нашел на своем поле обугленный объект, видимо, упавший с неба, и открыл его...

– Ага, помню отчет, – заржал, хлопнув себя по колену, Иванов. – Открыл, а там леденящая душу картина: из крохотной кабинки пустыми глазницами смотрит на него давно умершее, сморщенное, заплесневелое маленькое зеленое существо в особом космическом скафандре, опутанное торчащими в разные стороны проводами...

Со смехом ушло излишнее напряжение. Андропов сбросил пиджак и засучил рукава, Иванов перестал притворяться, что плошка с медом на столе для всех, и по-хозяйски купал в ней солоноватые сушки. Минцев успел торопливо выхлестать стакан чая, успокоиться, и когда на нем опять скрестились взгляды, заговорил уже заметно увереннее:

– Продолжу. Итак, гипотезы, объясняющие сверхинформированность. «Инсайт», «Инопланетяне», «Машина времени» и «Этруски». – Квадратики на листе обрели подписи.

– Этруски? – озадаченно задрал бровь Андропов.

– Ну-у... – Жора застенчиво ковырнул пальцем стол. – Это условное название. Доберусь, объясню. Итак, «Инсайт». Как понятно из названия, речь идет о внелогическом озарении. Механизм, естественно, неизвестен. Плюс гипотезы – объясняет все.

– А минус, – вмешался Иванов, – в том, что с тем же успехом ее можно назвать божественным озарением.

– Да, именно, – охотно согласился Жора. – Легенды о прорицателях есть: Кассандра, Нострадамус, Калиостро... Но подтвержденных случаев нет, и даже в «Прогрессе» пока ничего не смогли накопать. Пожалуй, наиболее точные предсказания были у Эразма Дарвина, но там речь идет не о внелогических озарениях, а, наоборот, о прогнозировании будущего технического прогресса на основе именно логики.

– Не слышал, – покачал головой Андропов. – А что именно он предсказал?

– Он в семнадцатом веке говорил о предстоящем появлении небоскребов, звукозаписи, подводных лодок и боевой авиации. Некоторые высказывания созвучны с гипотезой Большого взрыва. Теория эволюции Чарльза Дарвина корнями уходит в утверждения его деда об эволюции живого под воздействием внешней среды и полового отбора.

– Интересно. Но да, похоже, не наш случай. Продолжайте, пожалуйста.

– Следующая версия – «Инопланетяне». С точки зрения современной науки, событие вероятное. В качестве мотива вмешательства может быть желание ускорить социальный прогресс на Земле – это объяснило бы, почему они пошли на контакт именно с нами как с передовой группой человечества. В то же время эта гипотеза лишь частично объясняет сверхзнание. Безусловно, цивилизация, намного превосходящая нас в техническом развитии, может собрать данные, входящие в первые две группы, и частично спрогнозировать кое-что из третьей группы...

– Но сюда не укладываются сведения о предполагаемых в будущем предателях, – бросил Иванов.

– Если только не считать возможным прогнозирование в этой области на основе построения психологического профиля, – живо возразил Андропов. – Ты ж знаешь, что мы тут семимильными шагами развиваемся. Да, к сожалению, и не только мы... Кто знает, к чему это приведет в итоге? Вполне может быть, что червоточины в человеке можно выявлять заранее.

– Остаются изменения на биржах. – Иванов честно отрабатывал роль скептика. – Да и, честно говоря, у меня в голове не укладывается деятельность инопланетян, приводящая в качестве побочного эффекта к пожару в посольстве США в Москве.

– Тот факт, что у нас что-то в голове не укладывается, еще не означает невозможности, – наставительно произнес Юрий Владимирович. – В конце концов мы обсуждаем явление, которое год назад нам бы показалось абсолютно нереальным.

– Да... – Иванов с силой потер подбородок. – Если оставляем эту версию, то надо не забыть, что мотивы могут быть далеки от социального прогресса человечества. Это, Жор, твой незамутненный оптимизм.

– Хорошо. – Жора покладисто подписал значок и продолжил: – Зато следующая гипотеза, «Машина времени», легко объясняет всю сверхинформированность. Смысл ее в том, что может быть создано устройство, позволяющее путешествовать по оси времени так же, как...

– Я читал Уэллса в детстве, – нетерпеливо и чуть раздраженно прервал Андропов. – Неоднократно.

Жора угукнул, мотнул головой и продолжил раскатывать полотно аргументации:

– Но подобное устройство приводит к так называемым временным парадоксам и противоречит существующей картине мира. Исходя из современных представлений, время действует по принципу ациклических казуальных сетей, и менять свое прошлое нельзя.

– Ациклические казуальные сети. – Андропов проговорил вслух, словно пробуя незнакомый термин на вкус, и на какое-то время задумался. – Так, понятно... А чужое?

– Что чужое? – не понял Иванов.

– Чужое прошлое можно менять?

Жора довольно воскликнул:

– В точку! Собственно, это приводит нас к четвертой гипотезе, «Параллельные миры», она же «Этруски». Кстати, как ни странно, но она, как и «Инопланетяне», не противоречит материалистическому пониманию мира и имеет определенный научный фундамент. Я, естественно, не специалист, поэтому прошелся только по верхам, побеседовав с нашими учеными. – Тут Жора преувеличенно громко вздохнул. – Лучше пять раз на операции сходить, чем один раз этих физиков понять... В общем, существование параллельных миров не противоречит наблюдаемой картине мира. Есть в квантовой физике кое-какие парадоксы, которые можно объяснять по-разному. Из некоторых вариантов объяснения вытекает существование так называемого «мультиверсума», в котором независимо друг от друга существует почти бесконечное множество вселенных. Это можно представить себе как очень-очень толстую книгу, в которой наша Вселенная является лишь одной из страниц. На этом листе – наш мир с нашей историей, рядом – тот мир, где по какой-то причине Орда не пришла на Русь, за ней тот, где Колумба утопила буря...

Иванов усмехнулся, останавливая входящего в раж Минцева:

– В общем, с оперативной точки зрения это уже не принципиально. Во всех случаях, кроме «Инсайта», мы имеем дело с гостями, только в одном случае они прилетели с другой планеты, во втором прибыли из будущего, а в третьем – из параллельного измерения. Кстати, давай про этрусков.

– Э-э-э... – В глазах у Жоры вдруг мелькнуло что-то одесское. – Есть одно обстоятельство, вряд ли носящее случайный характер. Помните – Квинт Лициний Спектатор, Расеннский университет? Я втемную отправил одного капитана исследовать эту подпись. Так вот, там получилось интересное пересечение... У историков уже есть теория, которая кое-какие странности этого дела может объяснить. В общем, «Квинт Лициний Спектатор» – это что-то вроде нашего «фамилия, имя, отчество» у древних римлян. Личное имя – Квинт, то есть «пятый». Соответствует нашим старинным «Вторак», «Третьяк», «Четвертак». Родовое имя – Лициний, фамилия. Отчеств у римлян не было, но некоторые получали прозвища, и Спектатор как раз таким и является. Переводится как «наблюдатель». Лициний Пятый, Наблюдатель.

– И что? – Андропов непонимающе нахмурился.

– Лицинии – древний род из плебеев. Пятнадцать консулов, два великих понтифика... Но не это интересно. Считается, что род Лициниев идет от этрусков. Жил такой народ все первое тысячелетие до нашей эры сразу к северу от Рима, на территории современной Тосканы. Примерно к сотому году до нашей эры окончательно ассимилированы победившими их римлянами. Брут, кстати, Пифагор и Меценат – из этрусков. Так вот, самоназвание этого народа было «расенны», именно с двумя «н». А, напомним, в подписи стоит «Расеннский университет». Естественно, на нашей Земле такого учебного заведения нет и не было – проверили. Вряд ли это случайное совпадение, Лициний и Расенна в одной фразе. Нас наводят на какую-то мысль.

Иванов хмыкнул:

– Излагай дальше, не жмись.

– Если взять гипотезу о параллельных мирах, где история пошла иначе, и о пришельцах оттуда, то можно предположить, что где-то есть «мир победивших этрусков», в котором они

не были ассимилированы римлянами и где существует этот самый Расеннский университет. И это может дать интересный мотив...

– Да? – Андропов пристально посмотрел Жоре в глаза.

– Есть группа ученых, утверждающих, что этот народ был предком русских. Что-то вроде «этруски – это русские». Город Перуджа, их столица, раньше назывался Перуссия, что близко к Поруссия... Ну и ряд других коррелятов. Вот, к примеру, как латыши русских называют? Криеви. Потому что контактировали с кривичами, это понятно. А финны русских? Сейчас – вене, а раньше, несколько сот лет тому назад, – венет. Это потом «т» отпало. А кто жил по соседству с этрусками? Венеты, оттуда Венеция пошла. Соседи этрусов и соседи финнов носят одно и то же название – венеты! Да таких совпадений в истории больше вообще неизвестно! А еще греки называли этрусов тирсенами, а Днестр у них именовался Тирасом, тоже похоже... Кстати, у римлян была даже пословица: «Этрусское не читается», не понимали они, что там написано. А вот если читать сохранившиеся этрусские надписи по-русски, то удастся получить осмысленные фразы!

– Тогда выходит, – веско подвел черту Иванов, – что мы вроде как их родичи в ином потоке времени. И возможен новый мотив – помощь не столько социализму, сколько славянам, русским, своим.

– А вот для вмешательства в историю параллельного мира препятствий нет. Они могут теоретически сначала изучить наше будущее, а потом вернуться в прошлое и начать его менять! – Жора подался вперед и широко развел руками.

– Черт! – Андропов с силой хлопнул обеими ладонями по столу и глубоко задумался, затем возбужденно заелозил. – А под этим углом все играет совсем неожиданными красками, товарищи. Совсем неожиданными, да.

Иванов и Минцев быстро переглянулись и скромно потупились.

– Меня эта приписка про Квинта Лициния все время ставила в тупик, – доверительно признался Андропов. – А теперь вон оно как интересно складывается. Так... а это что за кружок, Георгий? – Юрий Владимирович указал в нижний правый угол нарисованной схемы.

– А это еще одна концепция. Есть идея, что все математически непротиворечивые структуры существуют физически. Иначе говоря, в математических структурах, достаточно сложных, чтобы содержать способные к самоосознанию подструктуры, эти последние будут воспринимать себя живущими в реальном физическом мире...

– Стоп. – Андропов шлепнул ладонью по столу, остановив Минцева. – Тут я уже совсем перестаю понимать. А ты, Борь?

– Хм... Жора, а что нам это дает? В оперативном смысле? Давай ближе к телу. Гипотезы все? Переходи к анализу достоверности выдвинутых гипотез.

– Есть переходить к анализам, товарищ генерал!

– Убью.

– Ага, – оживился Андропов, – понял, Боря, каково это? Вот и я порой...

– Ты давай, Жора, излагай, – обманчиво мягко попросил Иванов, постукивая кулаком по ладони.

Минцев победно улыбнулся:

– Есть хорошая новость, с нее и начну. Козырной туз, который позволяет нам сузить число гипотез. Всю последнюю неделю лично перепроверял. Помните, в первом письме в числе потенциальных предателей был упомянут Сергей Воронцов, из управления КГБ по Москве.

– Да, есть такой, – согласился Андропов. – Точнее, был... И что?

– А то, что в Комитете был только один Сергей Воронцов, и в августе он действительно был уже в УКГБ по Москве. Однако в марте, на момент получения нами письма, он проходил службу еще в УКГБ Белоруссии. Предсказать же тогда этот перевод было совершенно невозможно, поскольку его двинули по цепочке, возникшей в результате скоростной смерти

полковника Рудковского, и был Воронцов в этой цепочке аж пятым! Предугадать же кадровые решения для пятого в цепочке... – Жора пожал плечами. – Это посложнее, чем за три месяца предсказать направление ветра в районе посольства США.

– Вы с кадровиками беседовали?

– Так точно, очень плотно, по всем пяти перестановкам. – Жора затряс головой. – Нет, я абсолютно убежден в том, что это просчитать заранее было невозможно. Никак. К тому же решения принимались децентрализованно, часть в Москве, часть в Минске. И там такая череда случайностей при выборе из нескольких кандидатур... Да еще их должны были утвердить наверху. – Минцев указал глазами на потолок. – Никак не предсказать точно. Да вы лучше меня знаете, как наши кадры при рутинных перестановках работают.

Андропов притянул к себе исчерканный листок и некоторое время внимательно изучал.

– Значит, время... – протянул он, потирая ладони. – Я почему-то так и думал... Но с точки зрения науки, это самые невероятные варианты, инопланетяне хоть в современную науку укладываются. А тут... Машина времени, этруски из параллельного пространства...

– Я уже даже свыкся с тем, что пришельцев ищем, – философски откликнулся Иванов. – Меня сейчас другое тревожит – их возможности. Если это продуманная стратегия, реализуемая группой профессионалов, имеющих колоссальный технологический отрыв от нас, то шансов у нас, почитай, и нет. Мы можем только попросить их выйти на связь. Вычислить нереально. Да они могут прямо сейчас нас слушать! Другое дело, что по мелочам все указывает на то, что работает одиночка без специальной оперативной подготовки. Робинзон. Вариант «Обитаемого острова».

Андропов вопросительно повел бровью.

– Роман фантастический, – пояснил Иванов. – Одиноким представитель высокоразвитой цивилизации, случайно попав на планету, внедряется и, работая под прикрытием, пытается ускорить социальный прогресс местного общества. Нелегал, только с иной, чем у нас обычно, целью.

– Подкинешь почитать?

– Подкину, отчего ж не подкинуть... У меня здесь лежит, закончим – принесу. Ладно, я тоже убежден, что для такой информации нужно было послезнание, а оно есть только в рамках гипотез «Машины времени», «Параллельного пространства» и «Инсайта». Разница между ними на самом деле лишь в том, что в первых двух случаях ловим чужака, а в последнем – здешнего. Вот это, с оперативной точки зрения, существенно. Чужаки могут технологически опережать нас на тысячелетия, но они нездешние, должны выделяться. Провидец же, наоборот, технологически, да и в плане опыта, нам проигрывает, но сливается с миллионами сограждан.

– Согласен, – кивнул Андропов. – Давайте под этим углом зрения оценим результаты экспертиз.

Жора с готовностью открыл пухлую папку:

– Присланные материалы прошли комплексную криминалистическую экспертизу, которая дала некоторые оперативно-значимые результаты. Во-первых, мы имеем четкое указание на Ленинград, на районы в его центральной части. Помимо собственно печатей отделений связи, на это указывают микромаркировки конвертов и листов из тетрадей. Эти партии поступили в продажу весной во Фрунзенский и Дзержинский районы города. Кроме того, в четвертом письме при микроскопическом исследовании обнаружена пыльца ольхи, а в пятом – березы. Цветение этих деревьев в Ленинграде в этом сезоне приходилось на числа отправки писем, что подкрепляет ленинградскую версию.

– Это важно еще с одной точки зрения, – вмешался Иванов. – Привязка «Сенатора» к одному месту усиливает версию об одиночке. Группа, обладающая значительными технологическими возможностями и действующая по плану, безусловно, имела бы возможность вбрасывать письма в разных регионах страны.

– Если только нас не водят за нос, отвлекая внимание на Ленинград, – заметил Андропов.

– Да, мы учитываем и такую возможность, – кивнул Иванов. – Получается, или одиночка в Ленинграде, или водящая нас за нос группа. Но основные усилия сейчас направлены именно на разработку ленинградского направления.

– Под этим фонарем ярче светит?

– В том числе, – согласился Иванов. – В том числе... Но, естественно, альтернативные варианты изучаем.

– Еще что интересного?

– Из материального... – Жора быстро пролистал папку и остановился на нужном заключении. – Также при микроскопическом исследовании обнаружены частички кожи, идентифицированные как перхоть человека. Так что или инопланетяне тоже страдают от этой болезни, или это обычный человек.

– А вот это хорошо. – Андропов просветлел лицом. – Как-то приятнее работать с людьми. Привычнее, и психология понятна. Это действительно хорошая новость. Похоже, от инопланетян мы, товарищи, избавились. Замечательно!

– Отпечатков пальцев нигде не обнаружено, отправитель работал в перчатках, причем нам удалось их идентифицировать по отпечаткам ворса. Плотный гладкий трикотаж, белый цвет... Исходя из направления петель и неравномерности толщины ниток, с высокой степенью вероятности это – «перчатки хлопчатобумажные белые парадные», что шьются для нужд нашей армии на швейной фабрике номер два в городе Иваново. Входят в состав вещевого довольствия офицеров.

Андропов обрадованно отстукал пальцами по столешнице какую-то бравурную дробь.

– Та-а-ак... – хищно протянул он. – Это сужает поле поиска, верно? С учетом «Красной звезды»?

– Неоднозначно, – покрутил головой Жора. – С одной стороны, да, можно предположить наличие связи между отправителем и армией. С другой стороны, эти перчатки свободно продаются в магазинах военторга, купить их может любой желающий. Но с учетом газеты «Красная звезда» – да, вероятность такой связи примем во внимание.

– Но все равно, это еще один довод в пользу одиночки, а не заранее подготовленной группы, – заметил Иванов. – К тому же непрофессионал. Об отпечатках пальцев подумал, о перхоти и об отпечатках микроворса – нет.

– Еще? – Андропов навис над столом, глаза его горели азартом.

– Из материального – все. Проведена комплексная экспертиза письменной речи, топографических и общих признаков почерка. Здесь есть как полезная информация, так и странности. На основании анализа лексических и стилистических навыков эксперты независимо друг от друга однозначно определяют автора как мужчину в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет, с высшим образованием, вероятно, с навыками научной или руководящей работы, с опытом составления письменных докладов и устных выступлений перед аудиторией. Мм... Это отчасти противоречит первоначальному выводу о том, что почерк женский. Сейчас эксперты склоняются к мнению о наработанности почерка. Так что скорее мужчина, чем женщина, хотя может работать и связка из двух человек. Также сделан однозначный вывод о том, что русский язык является для автора письма родным.

– О! – Юрий Владимирович пораженно откинулся на спинку. – Стоп-стоп-стоп! А как же этруски?! Это ж кол в могилу этой гипотезе?

Иванов с Минцевым еще раз переглянулись.

– Понимаете, Юрий Владимирович, – мягко начал Иванов, – вся исходная информация про этрусков – верная. И про Лициниев, и про Расенну, и про венетов с этими учеными тоже. Только фигня все это! Самоназвание «русские» только в шестнадцатом веке появилось, «Русь» – не раньше десятого. Энтузиасты, мать их за ногу!

В горле у Андропова что-то булькнуло. Он побурел, черты его лица заострились.

– Борис! Да ты что?! Что ж вы мне про этих этрусков втирали?!

– Юрий Владимирович, мы тут подумали... Смотрите. – Голос Иванова приобрел вкрадчивые нотки профессионального психотерапевта. – Нам же все равно надо ложный след прокладывать на случай утечки. А на ком еще мы можем проверить убедительность ложной версии? Уж даже если такой умный человек, как вы, обладая всей полнотой информации, смог допустить подобную вероятность, то люди, менее сведущие в этих вопросах, тем более могут поверить. Запустим наших поездить по этой, как ее... Тоскане, пусть посветятся по раскопкам и музеям, позадают странные вопросы. Здесь поплотнее со специалистами пообщаются от лица Комитета. Создадим вокруг этого небольшой шум. А?

Председатель КГБ сумрачно внимал, потом кисло бросил:

– Хорошо, работайте над этим. Шутники... – Он помял ладони, успокаиваясь. – Ладно, что там еще экспертизы дали, Георгий?

Жора остался спокоен, как удав, словно не он только что разыграл одного из самых могущественных людей страны, и голос его звучал уверенно и деловито:

– Учитывая интервалы между словами и абзацами, равномерность и силу нажима, изменение высоты букв в пределах одной строки, психотип отправителя с высокой степенью вероятности имеет следующие черты. – И он принялся зачитывать: – «Самоуверенный человек, неохотно берется за дело, но, начав, доводит его до конца. Не очень высокая организованность, бесшабашность; способен пренебрегать собственной выгодой и безопасностью; отсутствие честолюбия; скрытен; не терпит слепого подчинения; считает, что в мире все должно быть логично, а следовательно, справедливо».

– Психологи говорят, что лозунгом этого психотипа может быть «Справедливость – это мое ремесло». – И Иванов перечислил, разгибая пальцы: – Гарибальди, Робеспьер, Дзержинский как яркие представители.

– Ну что ж, неплохо. – Андропов быстро отошел от укола по самолюбию и чуть повеселел. – По собственной инициативе вышел на связь именно с нами, родной язык русский, стремится к справедливости... Замечательный материал для работы. Почерк ищем?

– Почерк достаточно характерный, что облегчает поиск. В последний месяц в Ленинграде проводится крупная операция по выявлению схожих образцов, проверяем квитанции на почте, рукописные материалы в учебных и лечебных заведениях, в воинских частях, на предприятиях... Пока пусто. Будем искать дальше.

– Ну что ж, это частая ситуация, к сожалению. Давайте тогда соберем все вместе. Боря?

– Хм... Пока наиболее вероятной гипотезой, объясняющей почти весь комплекс данных по «Сенатору», является сюжет с одиночкой, который в настоящее время проживает в Ленинграде, стремится оказать содействие нашей стране и обладает возможностями для этого, поскольку у него прорезалась способность к инсайту или появился доступ к машине времени. Это мужчина средних лет, с высшим образованием, научный или руководящий работник среднего звена, с родным русским языком, возможно, имеющий связь с армией.

Андропов ткнулся носом в сцепленные кисти и, прикрыв глаза, глубоко и надолго задумался.

– Принимается. – Он снял очки и устало потер веки. – Это заметно лучше, чем показалось поначалу. Как искать-то будем?

Иванов раскрыл свою папку и протянул план оперативной разработки:

– Основная идея, Юрий Владимирович, в том, что человек с таким психотипом постарается использовать открывшиеся возможности и на своем рабочем месте, а может, и в личной жизни. Следовательно, будем ловить в Ленинграде. Например, серии крупных научных открытий. Находки кладов, выигрыши в лотереях, иные новые состояния. И обычная оперативная работа: проверка психлечебниц, нацеливание агентуры... Вот план.

И мужчины увлеченно склонились над бумагами.

Четверг 1 сентября 1977 года, утро

Ленинград, Измайловский проспект

Я расправил плечи пошире и с наивной надеждой заглянул в зеркало. Увы, отражение меня не порадовало – за ночь ничего не изменилось. Ну почему, почему они такие узкие?! Карикатурно узкие. Ведь все лето нагружал их как мог... И подтягивался широким хватом, и отжимался, а толку-то?! Вытянуться вверх за каникулы вытянулся, а вот вширь почти не раздался. И торчит над жалким подобием плеч все та же тощая шея с выпирающим кадыком. Разве что детская припухлость начала уходить с щек, чуть прорисовались скулы, да глаза теперь смотрят жестче и с каким-то вызовом. Результат поездки в Москву и Новошахтинск в буквальном смысле налицо.

Ладно, это значит что? Буду работать над собой дальше. Я на быстрый результат и не рассчитывал... Хотя сегодня его отсутствие особенно досадно.

Тщательно, словно от этого действительно что-то зависело, повязал неброский, в мелкую серую клетку галстук-«селедку». Вчера вечером я вырвал его с боем из отцовых запасников, заменив замусоленное изделие на растянутых резинках.

Закрыв глаза и пару раз пшикнул на себя из пульверизатора. Забористый «Шипр» разошелся, оставляя легкий запах бергамота и чего-то еще на доньшке, горьковатого и свежего, как осенний лес после дождя. Жаль только, что это именно запах, а не аромат.

«Все, – усмехнулся я и гордо задрал подбородок. – Предпродажную подготовку прошел. Лучше все равно не сделать».

Подхватил портфель со сменкой, принял от мамы букет георгинов для Зиночки и сбежал по лестнице вниз. Сладко заулыбался, в сотый раз фантазируя о долгожданной встрече: короткий миг радостного узнавания, свет в распахнувшихся зеленых глазах и, увы, лишь короткое ласковое прикосновение к предплечью – ибо школа.

Нетерпение гнало меня вперед, и ноги сами несли по исхоженному маршруту. Поворот, переход, полубегом через дворик какого-то проектного института, еще поворот, и вот впереди за мешаниной из пышных белых бантов, воздушных шаров и букетов гладиолусов я углядел долгожданный тонкий профиль. Крепко вцепившись в Ясю, Тома нервно озиралась по сторонам.

Я ускорился, торопливо протискиваясь сквозь веселую толчею. Насколько вижу отсюда, свое обещание я уже выполнил: теперь мы с Томой почти одного роста. Ну если без каблучков. А через годик, когда добавлю еще дециметр, мне будет все равно, какой высоты у нее платформа.

Обогнув кого-то из младших, я неожиданно возник у девушек с фланга и радостно воскликнул:

– Привет, красавицы!

Реакция оказалась неожиданной: увидев меня, Тома шарахнулась за Ясю, и в глазах ее заплескалась откровенная паника.

Не понял... Я недоуменно моргнул, и моя восторженная улыбка померкла. А где бурная встреча после долгой разлуки?

– Здравствуй, Андрей, – настороженно глядя на меня, кивнула Яся.

Тома покусала уголок губы и повторила ломким эхом из-за ее плеча:

– Здравствуй, Андрей.

Во мне что-то хрустнуло, надломившись, и я непроизвольно сделал полшага назад. Между нами повисло глухое молчание.

Я приподнял бровь и попытался заглянуть в глаза напротив, но Тома тут же начала коситься куда-то вбок, делано не замечая немого вопроса. Ветер прошелся по ней, теребя

на виске прядку осеннего цвета, и улетел, а тишина на нашем пяточке осталась, став оглушительной.

Сглотнул, безуспешно пытаюсь смочить внезапно пересохший рот, и перевел вопрошающий взгляд на Ясю. Та заломила брови домиком и беззвучно шевельнула губами.

Что?

Я напрягся, пытаюсь разобрать.

«Потом»?

Еще раз, словно не доверяя своим глазам, посмотрел на Тому и, неловко кивнув, шагнул вбок. Вслед мне полетел отчетливый вздох облегчения.

Линейку я провел в странном оцепенении. Нет, я здоровался с ребятами, кивал и что-то отвечал, кривился в нужных местах улыбкой. Но мы были порознь – мир и я.

«Да, здоров! Сергея Захарова на химию послали? Угу, слышал. Да, скоропортящийся талант. Зорь, а ты еще больше похорошела. Не, ну правда же! И ты, Кузь, и ты, куда ж без тебя... В каком месте похорошела? А коленки у тебя красивые. Нет, и раньше нравились. Да точно говорю! Что значит «негодяй»? Почему раньше не говорил? Так это... Молчал, глубоко изумленный...»

Но все это я выдавал на автомате, почти без участия сознания. Между мной и миром словно опустилось толстенное стекло, истребив оттенки и приглушив звуки. Паштет, чутко уловив мое состояние, переводил разговоры на себя. Впрочем, новый класс, слепленный из двух половинок, деловито принюхивался и притирался, и ему было не до одного выпавшего в астрал соученика.

Мелькнул вдаль вглядывающийся в меня Гадкий Утенок. Я кинул ей слабую улыбку, и она вспыхнула в ответ искренней радостью. Я смущенно отвел глаза.

«Хм... А не такой уже и гадкий. – Мой взгляд, невольно став оценивающим, вильнул в ее сторону еще раз. – Тоже вытянулась. Пожалуй, уже больше девушка, чем девочка.»

Энергично потрясая букетом, толкнула короткую речь загорелая Тыблоко, под умильными взглядами родителей пробежала с колокольчиком вдоль шеренги сияющая восторгом первоклашка, вырвался из распахнутой двери школы на свободу и разлился в прозрачном сентябрьском воздухе первый звонок... Учебный год начался.

День прошел, как кинолента, прокрученная в дымину пьяным механиком. Некоторые события проскочили мимо меня целиком, другие же запомнились в мельчайших и совершенно ненужных подробностях. От первого урока, вместившего в себе классный час и комсомольское собрание одновременно, память удержала лишь фрагменты Зиновкиной речи про всенародное обсуждение новой конституции. На химии начали электролитическое равновесие, но на слове «диссоциация» мой мозг забуксовал и впал в кому до перемены. Третьим уроком шла литература. Что там было – убей, не помню. Что-то ел на большой перемене, но что? Лишь к английскому я собрался и вышел из состояния грогги – Эльвиру лучше не злить. Впрочем, ее сарказм был еще по-летнему благожелателен, и часть урока я просто медитировал, разглядывая уходящие вдаль ленинградские крыши и купола Исаакия на горизонте.

Тома на весь день прилепилась к Яське и выглядывала из-за ее плеча, как осторожный солдат из-за бруствера отрытого в полный рост окопа. Даже домой они пошли вместе, хотя вообще-то им в разные стороны. Отходя от школы, Яся быстро обернулась. Я крутанул пальцем воображаемый телефонный диск и, получив ответный кивок, побрел домой.

Серия отжиманий прочистила мозги и вернула способность связно мыслить. И что это было?

«Не обида. Нет, точно не обида. И не как с чужим, было бы безразличие. Она боялась. Не меня, а нашей встречи. А значит...» – Моя мысль замерла, отказываясь делать еще один шаг вперед.

Кляня Тому, Ясю, себя и весь белый свет, схватил трубку.

– Алло? Ясь? Привет. Ну?!

– Что «ну»? Баранки гну! – взорвалась вдруг обычно выдержанная Яся и резко замолкла.

Я тоже помолчал, потом уточнил:

– Что случилось? Можешь сказать-то?

Она чуть слышно вздохнула, и от наступившей после этого тишины у меня по спине промаршировали мурашки.

Я кашлянул и скорректировал позицию:

– Или намекнуть.

– А сам не понял?

– Лучше знать, чем подозревать. У реальности есть границы, а у воображения – нет. Я тут себе уже такого напридумывал...

– Лето у Тома прошло насыщенно, – сухо констатировала Яся. – Под его конец она влюбилась. И не в тебя.

Мое сердце пропустило удар, а где-то под ложечкой поселился злой комок, такой, что, казалось, плюнь на пол, и от дерева вверх потянется едкий дымок.

– Ей показалось, – сказал я неожиданно охрипшим голосом и, прокашлявшись, повторил, пытаясь убедить скорее себя: – Ей показалось. Затмение сердца какое-то нашло.

Трубка с сочувствием промолчала.

Я собрался с силами и уточнил:

– Ленинградец?

– Нет. Местный, крымский.

– И... – Я запнулся, формулируя. – И как далеко все зашло?

– Далеко, – подтвердила мои худшие опасения Яся, а затем уточнила, охотно закладывая подругу: – Даже целовались.

Я смог кривовато усмехнуться, услышав в Яськином голосе легкую зависть.

Могло быть и хуже, да, могло...

– Понятно, – протянул я.

Хотелось бы сказать, что задумался, но это оказалось бы неправдой. Голова моя была бесподобно свободна от любых мыслей. Я бездумно парил над миром, связанный с ним лишь тоненьким телефонным шнуром.

– Ну? Что делать-то будешь? – Нетерпеливый голос Яси вырвал меня из этого по-своему сладостного состояния.

– Страдать и думать, – бросил я первое, что пришло в голову. – Хотя... Все уже придумано до нас. Поэтому так: бороться, искать, найти и не сдаваться. Три четверти я уже сделал, неужели на последней четверти сломаюсь? Нет... Не дожидетесь!

– Молодец, – серьезно похвалила меня Яся. – Борись. Я буду за тебя болеть.

– Болеть и немного подсуживать?

Яся хихикнула:

– Это ж неспортивно, как можно?

– Не можно, а нужно, – решительно сказал я. – Всем нам нужно. И мне, и тебе, и, главное, Томе. Ты же ей настоящая подруга, да? Целоваться-то любой дурак может, а вот картошку посадить на даче... Да еще не на одной сотке... Вот где по-настоящему испытывается сила чувства!

Яся засмеялась в голос:

– Да, семья чтит твой подвиг. Мы с Томкой вчера как раз картошку жарили с грибами, так мама Люба напомнила нам, кто ее по весне сажал.

– Вот! – От этого известия я немного воспрянул духом. – Ее тоже в судейскую бригаду надо включить, она дочке плохого не пожелает.

Мы еще немного вымученно пошутили, затем я закруглил разговор. Бросил в сердцах трубку и поморщился, сгоняя с лица проходящую на оскал улыбку.

«О боже... Ну почему?! Почему, несмотря на весь опыт, это опять так тяжело?! Как в первый раз». Эта мысль тяжело ворочалась в голове до самого вечера. И глубокой ночью, измученный злой бессонницей, я продолжал думать о том же: «О женщина, порождение крокодила, имя тебе – коварство! Вроде как понарошку проскользнет в твою жизнь, словно кошка мягким шагом в чуть приоткрытую дверь. Поначалу незаметная, как легкий утренний туман, но не успеешь осознать, а она уже стала частью мира, без которой сам мир перестает существовать. Как им это удастся? Кто дал им такой злой талант? Зачем?! И мир уже не сладок, а ты – лишь жалкая муха, ворохающая опаленными крылами в паутине жизни...»

Глава 3

Понедельник 5 сентября 1977 года, утро

Ленинград, улица Чернышевского

День не задался с самого начала. Да что там день! Жизнь не задалась! Что по сравнению с этим предательски скисшее молоко и завтрак сухими хлопьями? Синти мрачно толкнула дверь консульства и, зайдя на территорию США, привычно огляделась. Увы, но пальм за ночь опять не появилось. Шепота теплого моря вдали – тоже. А ведь так хочется!

Она сто раз прокляла тот час, когда, выпучив глаза, побежала впереди собственного визга докладывать Фреду о странном иероглифе. Был бы ум – промолчала бы. Ну не заметила она, имела право! И грелась бы сейчас на Тайване. Но нет, захотелось отличиться... И теперь эта подвисшая операция держит ее здесь, как цепь каторжника. Дура, о боже, какая дура!

В коридоре столкнулась с новичками – сладкой парочкой недавно приехавших архивариусов. Вот понаберут же таких уродов в консульство! Отойдя, Синти украдкой вытерла руку о юбку. Брезгует она такими. Да все тут брезгуют.

Нет, понятно, один из русских эмигрантов, может быть полезен, для него язык родной. Но почему у него взгляд такой глуповатый, вечная заискивающая улыбка и дурацкая страсть к коллекционированию значков? Сразу прицепился к Синти с идиотскими вопросами, где в Ленинграде собираются эти... как их... филателисты. Нет, не то... В общем, и термин дурацкий, и архивист такой же. И второй не лучше, вобла сушеная. Ходит, молча очками поблескивает и пальцами мерзко хрустит на собраниях. Брр. Интересно, кто у них муж, а кто – жена?

Громко хлопнув дверью, Синти вошла в кабинет и, не здороваясь с Мередит, села за свой стол у окна. Война у них, война. Во-первых, эта сучка в последние месяцы ходит слишком довольная. Видимо, с Фредом у нее все сладилось. Нет, боже мой, Синти с ним на одной грядке не села бы, но обидно. А недавно, когда из-за плохого настроения все валилось из рук, эта подлюка намекнула на ранний климакс, а потом мерзко хихикала, пока Синти соображала, как ответить. Нет, сообразить-то она сообразила, всю правду вывалила, не задумываясь... Может, и не стоило всю-то... Ну да ладно, что теперь поделаешь.

Синти налила кипятка, высыпала пакет «три в одном» и приготовилась, как начальство и приказало, думать. Вообще-то оно дало неделю на составление реалистичного плана. Ха, так и сказало, противно шевеля рыжеватыми прокуреными усами: «Реалистичного, а не как обычно. Пошевели между ушами».

Задание неожиданно захватило Синти, но чуть в другом ракурсе. Вот как бы так реалистично закрыть операцию и со спокойной совестью переместиться на Тайвань? С ходу посетила только одна заманчивая мысль: слить канал утечки русским. Тихо-тихо, аккуратно-аккуратно, но чтобы факт засыпки инициативника не прошел мимо внимания Фирмы. И все, мавр сделал свое дело, мавр может умыть руки и ехать к морю.

«Об этом можно подумать, – решила Синти, помешивая жижицу. – Об этом стоит подумать. Только очень осторожно. Пока только подумать».

Резкий звонок вырвал ее из волнующих кровь мыслей.

– Синти. – Голос Фреда был холоден, как лед на полюсе. – Иди ко мне, детка.

«Нет, – запаниковала она, пытаясь закрыть авторучку. Колпачок дергался, будто заколдованный, и никак не надевался на перо. – Нет. Он же не может читать мысли, правда? Да еще на расстоянии! Успокойся, дурочка».

Помогло. Авторучка покорилась и легла на место, а Синти двинулась к боссу, постаравшись принять непринужденный вид. Но Фред лишь скользнул по ней раздраженным взглядом,

и это было привычно. Синти с облегчением выдохнула. Нет, похоже, не читает. Слава богу. Придет же такое в голову!

Выглядел босс странно. Нервный, растрепанный больше обычного, недовольно жующий ус. Пожалуй... Да, пожалуй, Синти впервые видит его серьезно обескураженным. Приятное зрелище.

– Садись, – процедил Фред сквозь зубы и махнул в сторону стула у стены.

Синти села, одернула юбку, изобразила пай-девочку и преданно уставилась на босса.

– Лоханулись мы, похоже, – начал он, но тут в дверь постучали. – Да, заходите.

«Вот это да. А эти-то голубки чего приперлись? – успела подумать Синти, удивленно разглядывая входящих в кабинет начальника станции архивариусов. – Упс... Архивариусы ли?»

Да, на работников канцелярского фронта они походить перестали. Куда-то стекли с лиц придурочные улыбки, исчезли выдающие неуверенность движения, взгляды стали одинаковыми – холодными и властными.

– Хм... – выдавил из себя Фред. – Знакомься еще раз, Синти, обещанное усиление было. Джордж и Карл. Работают под корягой, как ты, надеюсь, уже поняла. Вчера мы ту ситуацию погоняли, всплыла одна, хм... ранее не в полной мере оцененная нами подробность. Давай, девочка, напрягись и выдай еще раз в самых мелких деталях тот свой забег по парку. Все, что помнишь. Вообще все, вплоть до того, что и где у тебя чесалось.

Синти откинулась на спинку стула, дунула на челку и, заведя глаза на потолок, стала вслух вспоминать полупрозрачный весенний парк, еще не крашенные скамейки, тяжелые бетонные урны, шахматистов на солнышке и натыкающиеся на нее взгляды прохожих.

– Глупо, – заметил Карл, – в таком приметном костюме идти на операцию.

– А что делать? – развел руками Фред. – Она всегда в нем по парку бегала. Местная достопримечательность, можно сказать. Сменила бы костюм – насторожила бы наблюдателей.

Опять поплыли аллеи, влажный гравий под ногами и черточка на дорожке в первой мертвой зоне.

– Вспоминай штрих, – приказал, нависая над ней, Карл. – Чем могло быть нарисовано? Пальцем? Палкой? На какую глубину? Равномерна ли ширина? Как вывернут гравий? Форма штриха в начале и в конце?

Синти зажмурилась, пытаясь выдать из памяти более четкую картинку, и не преуспела.

– Я ж бежала. Хорошо хоть черту заметила, – принялась оправдываться она.

Карл и Джордж многозначительно переглянулись.

– Ну ладно, – неожиданно мягким голосом согласился Джордж. – Отложим на потом.

Нераспустившаяся сирень, темная застоявшаяся вода, выгнутый дугой мостик, мужчина и женщина средних лет ошалело смотрят на бегущий американский флаг. Поворот, вторая мертвая зона и иероглиф «эр». Восторг и уверенность. Обогнула подростка. Шок в третьей мертвой зоне. Пустая четвертая зона, пятая. Еще круг. «Сань» в третьей зоне.

– Все, стоп, – скомандовал Карл. Главный он у них, что ли? – В первый раз этого знака точно в третьей зоне не было?

– В двух предыдущих зонах-то я увидела? А здесь уже ожидала. Нет, точно не было. – В этом Синти совершенно не сомневалась.

И ее начали потрошить. Покажи на карте трассу. Сколько метров круг? Сколько времени бежишь? У подростка была в руке ветка? Какой длины? Кончик мягкий или твердый? Хорошо, потом... Как одет? Особые приметы? Хорошо, потом...

– Ну что, – подвел черту Карл, – надо рыть глубже. Синти, тебя когда-нибудь гипнотизировали?

«Что? – Взгляд Синти испуганно заметался. – Что он сказал?! На что намекает? Нет, не хочу! У меня есть кое-какие нехорошие мысли. И знать их никому не надо!»

– Нет, – выдавила она с трудом и сцепила под столом кисти.

– Не волнуйся так. Это обычная, абсолютно безвредная процедура.

«Да-да, ищи дуру».

– Она поможет тебе вспомнить важные подробности...

«Иди к черту»!

– ...и с честью выполнить важное для нашей страны задание.

«Он меня что, за малолетнюю идиотку держит?»

– Мы станем задавать вопросы только относительно этой ситуации с инициативником.

«Вот их-то я и боюсь».

– Фред будет присутствовать и контролировать нас.

«Успокоил, как же».

Синти еще раз дунула на челку и лучезарно улыбнулась:

– Конечно, я готова.

«Хрен вы меня в гипноз без моего согласия введете!»

– Вот и отлично. Сядь поудобнее. Расслабься. Вот так, молодец.

«Сам булки свои расслабь, козел старый», – мысленно огрызнулась Синти.

Карл стянул с безымянного пальца золотое кольцо и привязал его к нитке. Джордж тем временем по-хозяйски освободил половину стола Фреда, выложил пачку бумаги, коробку карандашей, ластик и, похоже, собрался что-то рисовать.

– Кстати, о наблюдательности, – мягко зажурчал Карл. – Ты же знаешь, что Земля вращается вокруг Солнца? Приметы этого разбросаны вокруг нас в повседневной действительности, нужно только их заметить. Это привычные нам движения теней, восходы и закаты. Прекрасные закаты и прекрасные восходы, особенно в южных широтах, не правда ли, джентльмены? Когда расслабленно полулежишь в шезлонге и тянешь через трубочку какую-нибудь пину коладу. Ты пила пину коладу, Синти? Прелесть, правда? Помнишь тот особый вкус во рту и умиротворение вокруг? Есть менее броские приметы, которые доступны лишь особо внимательным людям. Ты, Синти, должна нарабатывать наблюдательность и дальше, если хочешь стать отличным специалистом. Вот видишь это колечко? Оно слегка раскачивается взад-вперед. Вроде бы ничего необычного? Но приглядишься, плоскость колебания чуть-чуть смещается, правда? Обрати внимание, я ничего для этого не делаю, моя рука неподвижна и расслаблена... А кольцо качается... Взад-вперед... И смещается, незаметно, но смещается... А рука расслаблена... Взад-вперед... Взад-вперед... Расслаблена... Рука расслаблена... Взад-вперед... Взад-вперед... Восемь, девять, десять. Просыпайся, Синти.

– А? – Она ошалело моргнула и пошевелилась, разминая затекшее тело. – Какого черта?

– Все хорошо, – отмахнулся Карл. – Отдыхай.

«Козел!.. – догадалась Синти. – Нет, ну какой козел!»

Тут она вспомнила, чего именно боялась, и сердце ухнуло вниз. Медленно-медленно, осторожно-осторожно обвела взглядом присутствующих. Слава богу, на нее никто не смотрит. Стоят у стола и разглядывают какой-то рисунок.

«Уфф... Кажись, пронесло. Но как развел, скотина... – Девушка с уважением посмотрела на Карла и сладко потянулась, вставая. – Ох и ни черта себе! Четыре с половиной часа прошло!»

– Ну, что удалось из меня выжать? – Синти попыталась просунуться между мужчинами.

– Вот полюбуйся. – Фред протянул плотный шероховатый лист. – Фоторобот получился.

Сначала Синти показалось, что это фотография, лишь потом дошло, что в руках у нее карандашный рисунок.

– Ух... Обалдеть! Здорово как! А кто рисовал?

– Я, – устало улыбнулся Джордж.

– Фантастика! А меня нарисуеть?

– Синти, – одернул ее Фред. – Смотри на портрет. Вспоминаешь?

– Неа... Говорю ж, мельком взглянула. – Она еще раз прошлась взглядом по рисунку и протянула разочарованно: – Да... Мало. Фиг по такому найдешь.

– Уходящий профиль называется, – пояснил Джордж. – Да, лицо видно сбоку и чуть сзади. Щека, глаза, брови, а основание носа прикрыто скулой... А вот ухо было открыто, и ты запомнила его качественно. А между прочим, форма ушной раковины индивидуальна и с течением жизни не меняется. В отличие от черт лица подростка.

– Кстати, – вмешался Фред, туша в воздухе спичку. – Для советских старшеклассников слишком короткая прическа. Обычно они носят волосы заметно длинней. Обратите внимание на улицах.

– Не факт, что он как-то с этим связан, – попыталась придавить нездоровый оптимизм Синти. – Ребенок как связной...

– А что, неплохой вариант, между прочим, – отозвался Фред, выпуская дым в потолок. – На школьников КГБ внимание не должно обращать. Если пофантазировать... Ну, предположим, отец и сын хотят свинтить из Советов... Отец имеет информацию, сын-единомышленник работает как малозаметный связной... Как вариант, а, Карл?

– Всяко лучше, чем было сутки назад, – без энтузиазма отозвался тот. – Как искать по ушной раковине подростка в Ленинграде, я пока не представляю. Даже если убрать наблюдение КГБ за нами. Но эта ситуация с отсутствовавшим, а потом появившимся сигналом... Это пока единственная наша зацепка. Будем разматывать.

Понедельник 5 сентября 1977 года, день

Ленинград, улица Москвиной

Пора. В два торопливых глотка, не чувствуя от волнения вкуса, влил в себя остаток кваса, сунул пузатую кружку краснолицей продавщице и шагнул вперед, выходя из-за белой бочки на середину тротуара. Беззаботно спешащая домой Тома налетела на мой взгляд, как на стену, и, что-то сдавленно пискнув, попыталась сдать назад.

– Ну? – Пристально всматриваясь в девушку, я сделал еще пару шагов навстречу. – Так и будешь всю остатнюю жизнь от меня бегать?

Она промолчала, несчастно глядя куда-то вниз и вбок, лишь на скулах все ярче разгорались пятна нервного румянца да на тонкой загорелой шее над кружевом белоснежного воротничка загуляла жилка.

Мое горло перехватила горькая нежность. Хотелось сгрести девушку в охапку и, забившись в какой-нибудь темный и безлюдный закуток, до самого вечера жалеть эту ненароком контуженную случайным и наверняка мимолетным чувством. Я с большим трудом подавил этот безумный порыв и протянул руку:

– Давай уж портфель, горе... Пошли домой.

Тома мотнула головой и спрятала портфель за спину. Вышло так несвоевременно комично, что я против воли улыбнулся. Теплый ветерок, что хулиганил в переулке, тут же подхватил и уволок вдаль мою печаль, оставив взамен спокойную уверенность.

Все пройдет, и это тоже. Фигня все это. Жизнь прожить – не поле перейти, можно и споткнуться. Один раз.

Я оценивающе посмотрел на фигурку перед собой. Нет, не отдаст портфель.

– Хм... Ну тогда просто пошли.

В молчании мы неторопливо шагали по тихому переулку, а еще не знающее о наступлении осени солнце жарило нам промеж лопаток.

Я осторожно покосился на девушку. Немного изменилась за лето, еще больше похорошела. Или это я подрос и теперь смотрю на нее чуть под иным углом? Или соскучился без меры?

– Слышала, – забросил я удочку, – Набоков умер? В июне.

Тома впервые прямо взглянула на меня.

– Нет, – удивленно дрогнула бровь. – Только про Элвиса Пресли слышала.

– Ну да, и он тоже, – кивнул я, припоминая.

Память сначала сопротивлялась, словно раковина, не желающая расставаться с замурованным сокровищем, а затем, внезапно сдавшись, выплюнула слова, да прямо на язык; не успел я сообразить, как из меня вырвалась громкая рокошущая строчка.

Я остановился, изумленно хлопая ресницами.

– Это что... Я... Я не сфальшивил? Том? Или... Или мне показалось?

Уголки ее губ, до того поникшие, начали задираться вверх, а в милых глазах словно включился теплый свет.

– Нет, стой. – Я опустил портфель, решительно расправил плечи, гордо вскинул голову и пропел. Потом, сконфуженно прокашлявшись, попробовал еще раз. – О, щи-и-ит... – растерянно развел руками. – Но ведь в первый раз получилось, Том? Ну как же так?

Она покусывала губы, пытаясь сдержаться, потом фыркнула, сдаваясь. Наш смех радостно переплелся, слился воедино и улетел, отражаясь от старых стен, в голубое небо. Мы смеялись, наконец-то открыто глядя друг другу в глаза, и это было так здорово, так легко и освежающе, словно в распаренную июльским солнцем комнату ворвался через распахнувшееся окно порыв освежающего бриза и разом выгнал прочь скопившуюся духоту.

Пошли дальше, а расстояние между нами хоть на чуть-чуть, но сократилось. «Сантиметров на двадцать», – прикинул я. Еще намного дальше, чем было в мае, но уже ближе, чем первого сентября. Мне удалось выломить из выросшей между нами стены первый кусочек. Похоже, раствор там не очень качественный.

Тома еще раз усмехнулась, вспоминая мой бенефис, а потом, быстро блеснув на меня глазами, уточнила:

– А при чем тут щит?

– Какой щит? – не понял я.

– Ну... ты сказал: «О, щи-и-ит», – довольно похоже передразнила она меня.

– А... Это такое слово на великом и могучем английском, которое воспитанным леди знать не следует. Кстати, об английском... – Заговаривай ее, Дюха, заговаривай, гони любую пургу, лишь бы молчание не висело. – Покойный Набоков – удивительный случай. Сперва он стал известным русским писателем, а потом, начав с нуля, стал заметным англоязычным писателем. Представляешь, как это сложно – владеть словом на выдающемся уровне сразу на двух языках? Двуязычные писатели бывают, но, по-моему, Набоков единственный из них, кто стал знаменит в обеих ипостасях.

– Здорово... Хотела бы я так язык выучить, – с завистью в голосе сказала Тома и вздохнула. – Да, задавали нам сегодня по английскому – мама не горюй.

– Знаешь... Похоже, что выучить его до такого уровня обычным людям не по силам. По последним данным разведки, где-то между двумя и четырьмя годами у ребенка есть окно возможности. Если в этом возрасте постоянно разговаривать с ним на нескольких языках, то он их все схватывает на лету, и они будут для него родными. А потом эта форточка захлопывается, и приходится зубрить языки уже годами. Кстати, редко, но у некоторых эта способность остается на всю жизнь.

– Полиглоты? – Тома ощутимо расслабилась.

– Да, они. Клеопатра, согласно историческим источникам, свободно изъяснялась на десяти языках, Толстой знал пятнадцать, Грибоедов и Чернышевский – по девять. А в доме Набокова в его детстве говорили сразу на трех языках: русском, английском и французском – вот он всеми тремя и владел как родными.

Кончик носа Тома брезгливо сморщился:

– Что-то как-то у меня этот Набоков не пошел. Гадость редкостная.

Мы добрались до ее парадной и остановились друг напротив друга. Тома опустила портфель на землю и продолжила, чуть покраснев:

– Ну... У нас дома была одна его книга. Я потихоньку прочла. Написано красиво, но читать противно. Зачем такое писать? Какую идею он хотел донести? Не понимаю...

– Это ты о «Лолите»?

Глаза девушки забежали, и она, еще гуще покраснев, кивнула. Я продолжил:

– Ну да, есть такое, согласен. Но ты учти следующее. Он был аристократ, сноб и талантливый провокатор. «Лолита» на уровне сюжета – это осознанная провокация, достигшая своей цели. Но как писателя Набокова интересовали не идеи и сюжет, а стиль и слог как способ извлечения эмоций из души читателя. Он инструменталист, разработчик языка. И вот здесь он бесподобен. Именно так его и надо воспринимать.

– Но неужели нельзя было выбрать другой, приличный сюжет! Грязь какая-то отвратительная получилась, прилипчивая... Прочла, и внутри зудело и чесалось, как будто вся я – старый расцарапанный укус. Приличный писатель не должен такие гадости делать. – Глаза Тома возмущенно блестели, она говорила все быстрее и громче.

Мы еще немного поспорили. Под конец, каюсь, не сдержался – на лицо проскользнула-таки зловредная улыбка. Тома, заметив ее, запнулась и с недоумением оглянулась.

Да, милая, да! Мы уже минут десять топчемся у твоего подъезда!

Видимо, эта же мысль пришла в голову и Томе. Пару секунд она с превеликим изумлением смотрела на меня, до глубины души пораженная моим коварством, а затем подхватила портфель и ломанулась в дверь. Я помог ей совладать с тяжелой пружиной и остановился на грани света и полумрака, прислушиваясь к стремительно удаляющемуся поцокиванию.

– До завтра, Тома, – бросил в полутьмноту.

Каблучки замолкли.

– До завтра, – неуверенно прозвучало в ответ откуда-то сверху.

Я широко улыбнулся и закрыл дверь. До завтра. До завтра, черт побери, до завтра!

Среда 7 сентября 1977 года, день

Ленинград, Литейный проспект

Покорно хрустели под ногами желто-бурые листья. Из сквера, что протянулся вдоль Куйбышевской больницы, тянуло горьковатым запахом.

«Вот и осень золотая. Надо бы в Пушкин или Павловск выбраться, проверить. А кстати... – Я задумчиво придавил лист, что беззаботно подвернулся под ногу, и притопнул, втирая в асфальт. – Как бы Томку туда вытянуть? Надо с Ясей посоветоваться, она девочка умная. Хм... Решено. Пора заканчивать этот балаган с шараханьем от меня. Вроде позавчера нормально поговорили, а с утра опять началось: невидящий взгляд, наигранно гордый поворот головы и голос с холодком».

От принятого решения полегчало, и плотный сосущий ком, что поселился под ложечкой в первый осенний день, немного размяк.

Я шел, пристально вглядываясь в лица и фасады. Казалось бы, что такое треть века для города? Те же улицы, те же дома, и уж точно то же небо над головой и тот же воздух струями течет мимо. Но многочисленные мелочи меняют все. Он другой, этот город. Здесь чаще думают о мире Полудня, чем о следующем дне. Здесь зло еще стесняется быть злом. Он добрее. Веселее. Беззаботнее.

Я чуть замедлился, проходя мимо полукруглого садика и вглядываясь в детей, что расселись на стульчиках. Ох и давно я не видел на улицах детей с мольбертами... На листах прописывались классические формы фронтона и чаша со змеей, заменившая когда-то памятник принцу Петру Ольденбургскому.

Кто сейчас о нем помнит, кроме историков?

А вот и моя цель – «Старая книга» на углу. Конечно, куда ж она денется... Но так приятно убедиться в этой мелочи лично. Сколько ж я тут не был? Похоже, вечность.

Хотя нет, в этот раз я от вечности увернулся и пошел на второй круг. Повезло.

С предвкушением шагнул в зал и вдохнул благородный, полный достоинства запах старых книг. Ох хорошо-то как! Такой зрелый запах настоящей вещи нечасто встретишь, разве что на заваленном водорослями берегу океана или в сосновом лесу в июле. Или ткнувшись носом в ямку между шеей и плечом своей женщины, над тонким изгибом ключицы...

Я глупо заулыбался, и волна радостной ностальгии поволокла меня к полкам.

Первым в руки попался темный увесистый том, привлечший взгляд тонким золотистым тиснением готических букв на корешке. «Фауст» Ленау тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года. На форзаце чье-то послание, долетевшее сквозь десятилетия. Грустно от мысли о том, что нет уже ни того, кто аккуратно окунал перо в фиолетовые чернила, ни того, о ком он думал, старательно выводя слова... Осталось лишь четыре строчки неторопливого каллиграфического почерка на незнакомом языке. Но тень тех людей легла на книгу, придав ей индивидуальность. Солидные, плотные, неровного окраса листы пахнут временем, взглядами и светом тусклой сорокаваттки. А пожалуй, еще и свечами. Легкий маслянистый отпечаток пальца на потертом уголке страницы... Возможно, книгу листали в венском кафе за чашкой в два глотка. Чудится мне тонкий оттенок кофе и ванили.

Книги, на которых время еще не проставило свой экслибрис, не пахнут, а воняют свежей краской и клеем. Разница как между коньячным спиртом и дорогим коньяком. Впрочем, и у них есть шанс на благородную старость.

Я еще раз вдохнул уютный запах, угадывая в нем легкую тоску по ушедшему, и с уважением вернул книгу на место.

Стопка дореволюционных журналов русского географического общества. Гидрологические карты Колчака, сообщение об отплытии экспедиции Русанова...

Минут через двадцать я насильно погнал себя в другой отдел. Я сюда по делу пришел – надо разумно потратить выклянченные вчера пять рублей. Мотивировка «на книги для подготовки к поступлению в институт» сработала безотказно, и папа безропотно выдал синенькую бумажку.

Начну, пожалуй, с матана, чтобы преобразовывать длинные-предлинные формулы аналитически. Взять тройной интеграл символично – это звучит гордо! Без матана ни теорию функционального анализа не потянуть, ни топологию, ни теорию вероятности. Да и в теоретической физике без аналитических преобразований никак – достаточно того же Максвелла вспомнить. Бог был математиком очень высокого уровня.

Выудил из второго ряда трехтомник Фихтенгольца, потертый, с карандашными пометками на полях. Пойдет, тем более за такую смешную цену. Перетряхнул полки и добавил сверху Понтрягина с Колмогоровым, а затем поволок находки к кассе. На первое время хватит.

И срочно нужна финансовая независимость. Не бегать же каждый раз к папе с протянутой рукой?! Деньги в моем положении – не проблема, но надо срочно придумать обоснование, откуда они могут у меня появляться.

*Пятница 9 сентября 1977 года, вечер
Ленинград, Измайловский проспект*

На ужин была «синяя птица», тушенная в сметане, и картошка. Я дождался момента, когда сытость уже привела родителей в благодушное настроение, и запустил свой стартап:

- А я решил себе хобби завести.
- Мм? – Папа с интересом обернулся.
- Мам, ты не против, если я твоей швейной машинкой попользуюсь?
- А? – неподдельно изумилась она и поперхнулась чаем.

– Что? – Пораженный папа шлепнул ей ладонью промеж лопаток.

Мама с облегчением вдохнула и убрала пальцем выкатившуюся слезинку.

– Мне кажется, что шить несложно, – с энтузиазмом продолжил я. – Хочу попробовать. Я в журнале выкройку рубашки нашел, можно? А, можно?

Этой просьбой я сделал родителям вечер. Ничего, это было ожидаемо. Я невозмутимо допивал чай, отвечая на заковыристые вопросы.

Машинка? Да чего сложного-то? Нитку заправляй да шей, ты ж неделю назад мне форму подшивала, я наблюдал. Ткань? Да купил метр восемьдесят смесовой. Ой, мам, а сколько там тканей интересных! И дешево-то как! Сколько сшить всего можно!

Последнее было правдой. До фига! Очень-очень много разнообразных и качественных тканей в продаже, аж глаза разбежались. Поле непаханое. Шей – не хочу!

Когда шквал вопросов и подколов сошел на нет, я заставил папу поработать манекеном. Уже на этапе съемки мерок он что-то заподозрил: видимо, слишком уверенно я себя вел, и дальше мама давилась ухмылками в гордом одиночестве. Папа же посматривал скучный ничейный футбол и одним глазом косил в угол, где я, для виду поглядывая в «Работницу», сначала вычерчивал на кальке выкройку, а затем раскатал материал и начал кроить.

– Эк ты ловко ножницами, – заметил он, окончательно отворачиваясь от телевизора.

– Это ж не топор, – откликнулся я. – Вот с тем бы намучился.

– Кхе... При чем тут топор? – с недоумением уточнил папа.

– А... Ты не знаешь, – сообразил я и, продолжая кроить, пояснил: – Слово «рубашка» происходит от слова «рубище». Ну, это очевидно... Сейчас так называют ветхую одежду. А вот раньше «рубищем» была одежда из грубой толстой ткани, обычно со швами наружу. Кроили кое-как, шили из разновеликих кусков и лоскутков. А вот эти самые куски в связи с отсутствием ножниц рубили из ткани топором. Поэтому – «рубище». Сам понимаешь, какого качества выкройка тогда получалась.

Кряхтя от натуги, – все-таки пуд веса – поставил машинку на стол и снял деревянный чехол. Под ним был цельнотянутый аналог «Зингера», отличающийся от оригинала лишь росписью под хохлому. Отличный аппарат. Шьет только прямыми швами, но зато в умелых руках – высочайшего качества. А с оверлоком и петлепробивочной машинкой я потом что-нибудь решу, когда время придет.

Ножную педаль на пол, шпульку в челнок... Две катушки ниток в гнезда... Нити под лапку. Готово. Сложил лоскуток и прогнал шов. Хм, верхний чуть петляет. Я подрегулировал натяжение нитей и повторил, закончив реверсом.

Мама, услышавшая что-то в уверенном стрекоте машинки, тоже повернулась в мой угол.

– Мам, проверь, – попросил я.

Она придирчиво осмотрела мой шов, подергала.

– А неплохо, Дюш, неплохо. Для первого шва так и вовсе отлично.

Ха! Первого шва... Да я подкачал себе сорок лет портняжного опыта. Вот сейчас чутка потренируюсь, руки навык наработают, и я буду вас сильно удивлять.

Погонял разные швы еще минут десять. А мне нравится! Черт, мне нравится творить с нитками волшебство под равномерное мелькание иголки и уютный стрекот. Есть в этом что-то медитативное, умиротворяющее.

Постепенно пришло понимание. Я стал чувствовать натяжение материи, различать ритм и видеть за выкроенными кусками цельную вещь.

– Ну-ка, встань, – скомандовал папе. – Повернись. Руки вверх. Теперь слегка наклонись вперед. – Чуть прищурившись, перевожу взгляд с выкроек на безропотного папу и обратно. Угу, понятно, надо учесть легкую асимметрию грудной клетки. – Садитесь, пациент.

Под чуть нервные смешки родителей внес небольшие изменения в выкройки.

Через полтора часа рубашка вчерне была готова. Без воротника и манжет – они лежали отдельно, привыкая под прессом к клеевой бязи. Ох и намучился я с ней... Еще петли осталось обметать и пуговицы пришить. Но это завтра.

Пятница 16 сентября 1977 года, день

Ленинград, 8-я Красноармейская улица

– Давайте смелее, – напутствовала нас Биссектриса. – Покажите этому биному, где раки зимуют. А учебнички закрыли и на край, на край положили.

Смешно двигая бровями, Паштет в последний раз погипнотизировал треугольник Паскаля, словно пытаясь навечно впрессовать рисунок в сетчатку, и решительно захлопнул книжку. Да, я его неплохо поднатаскал за весну, но любви к математике он по-прежнему не испытывает. Вот и сейчас Пашкин взгляд, брошенный на портрет Ньютона на стене, был наполнен отнюдь не благожелательностью.

– Тетрадошки для контрольных открываем, – продолжала, словно слегка пританцовывая, резвиться у доски Биссектриса. – Первый вариант решает легонькие задачки с левой доски, второй вариант – с правой.

Я, чуть прищурившись, пробежался по формулам и фыркнул. И правда простенькие, на раз решаются. Разложить на многочлен сумму двучленов в шестой степени. Тут даже думать не надо, бери да пиши... Неужели кому-то сложно? Крутанул головой, оглядываясь.

Через проход елозит хитрожопый Сема. Вот ведь может сам все решить, мозги светлые, но нет, уже сейчас ищет путь полегче. Поверх учебника вроде как небрежно брошена металлическая линейка, на задней поверхности которой тонкой иголкой выпарапаны формулы, видимые только под определенным углом. И ведь не лень было их выводить!

Сидящая за ним Кузя ловко пристраивает шпору под юбку. Учужала блуждающий по бедрам взгляд и, приветливо улыбнувшись, на пару секунд поддернула край еще сантиметров на пять повыше... Я оттопырил большой палец вверх и быстро отвернулся, предчувствуя, как через мгновение запыхает лицо. Не помогло... Покрасневшие уши выдали меня с головой, и сзади летит Кузино довольное хихиканье. Паршивка!

Ладно, будет и на моей улице праздник...

Сосредоточился, с трудом отринув земное и быстро набросал ответы, а затем под завистливый вздох догрызающего авторучку Паштета отодвинул тетрадь вбок. Давай, дружище, качай мозги, пригодятся. А у меня есть полчаса на произвольную программу – функциональный анализ.

Теперь я использую каждую кроху свободного времени для прокачки. Дни пролетают незаметно, вот я уже почти полгода как здесь, а что сделано?

Нет, ну кое-что, конечно, удалось... Но мой корабль все так же прет на рифы, и подметными письмами курс не изменить. Пока лишь чуть укрепил корпус, но этого мало. Надо пробираться поближе к штурвалу.

Чертов возраст! Вот уж никогда не думал, что молодость может быть проклятием. Было б мне хотя бы лет на десять больше...

Ладно, отставить сожаления, неконструктивно. Открыл очередную рабочую тетрадь и начал покрывать листы, актуализируя свои представления о непрерывных спектрах дифференциальных операторов. Ничего, подтяну этот раздел, можно будет о вейвлетах подумать, скоро это направление станет и модным, и востребованным.

Та-а-ак... Ввожу символ Вейля произвольного оператора «А». Последовательность центров шаров является фундаментальной и невозрастающей, а значит, имеет предел...

На некоторое время я выпал из действительности, блуждая по бесконечномерным топологическим векторным пространствам и их отображениям. Очнулся от Пашкиного тычка

под партой и сообразил, что уже некоторое время за затылком у меня кто-то возбужденно пощипывает.

Биссектриса! Я медленно оглянулся на нависшую над моим плечом учительницу.

– Да, все верно, – притопнула она. – Если банахово пространство рефлексивно, то единичный шар слабо компактен! Точно знаю!

Я с удивлением приподнял бровь. Она поняла.

– Я, между прочим, ученица Брадиса. Хорошая, – с забавной гордостью добавила Биссектриса. – Да и вообще, это лишь третий курс. А вот откуда ты...

Она прервалась, цапнула с парты тетрадь для контрольных и быстро просмотрела мои ответы. Затем пришла очередь рабочей тетради. Похмыкивая, неторопливо пролистала несколько страниц, затем кивнула каким-то своим мыслям и сказала:

– На перемене задержись.

Боже, опять! С англичанкой тогда выкрутился, и пусть она меня время от времени парит взглядом, но вопросов больше не задает. Даже пару раз под видом проверки знаний подсовывала журналы с трудными для перевода местами. Смешно, но слово «digital» Эльвира пыталась вывести из «digit», в смысле «палец». Ха, «пальцевое управление...» О «цифре» в технике тут пока знают только специалисты.

Теперь придется лепить горбатого Биссектрисе. Ну... Все равно рано или поздно это придется делать, и неоднократно. Потренируюсь.

Дежавю, натуральное дежавю. Опять дверь отсекает меня от коридора, опять я мнусь на стуле перед учителем.

– Ну, Андрей, рассказывай. – Биссектриса оживленно наклонилась ко мне и чуть ли не облизнулась от предвкушения.

– Э-э-э... – начал я. – Собственно... Пошло. Само. Вот.

– Содержательно, – кивнула учительница с усмешечкой. – А дальше?

Я потерял нос:

– А дальше Паштету помогал. Он нормально сдал и перешел в девятый, а я за пару недель закончил школьную программу и взялся за матан. Вот.

– Ага, – понятливо кивнула Биссектриса еще раз. – Но между матаном и функциональным анализом есть небольшая дистанция. Во-о-от такусенькая. – Она свела большой и указательный пальцы почти вплотную и внимательно посмотрела на меня левым глазом сквозь образовавшуюся щелку. – Семестров на пять.

– Ну а что там такого? – прикинулся я валенком. – Матан, дискрет, урматы, дифуры... Да я по верхам иду, бессистемно, для общей эрудиции... И целое лето было... И полсентября...

Учительница выслушала меня, помолчала.

– Ну да, ну да, – вроде бы согласилась она. – Но я себе это плохо представляю. Точнее, совсем никак не представляю. Ну-ка, разложи косинус в ряд Тейлора.

– Да не вопрос, первый семестр, – оживился я и набросал ответ. – Вот... Сходимость плюс-минус бесконечность.

– Так-так... – Биссектриса с азартом нависла над тетрадью. – А если заменить косинус на натуральный логарифм от один минус x квадрат?

– Э-э-э... – Я призадумался, рассеянно шаря взглядом по темно-коричневой доске за ее спиной. – От минус единицы до единицы.

– В уме?! – всплеснула учительница руками.

– А что сложного? Ближайшая и единственная особая точка в пространстве комплексных чисел для логарифма – ноль. Достигается при x е, равном единице. Отсюда область сходимости ряда вокруг нуля равна единице.

Биссектриса ошалело покосилась на меня, потом что-то прикинула про себя и покачала головой:

– Ну можно и так... Или пойти другим путем: производная разлагается в геометрическую прогрессию, сходящуюся при модуле икс меньше единицы.

Я на пару секунд прикрыл глаза, соображая, потом согласился:

– Да, так тоже можно, ведь дифференцирование-интегрирование не меняет радиус сходимости.

– М-да. – Биссектриса неторопливо изучила меня серьезным взглядом. – И когда у тебя это прорезалось, говоришь?

– В смысле когда математика стала интересной? – Ход ее мысли мне не понравился. – Весной, когда стало известно, что два класса сливаются. Чтобы Паштету объяснить, сначала надо было самому понять. А понимать оказалось неожиданно интересно и красиво.

– И английский у тебя тогда же изменился... Эля рассказывает регулярно. – Биссектриса внимательно посмотрела на мою макушку и огорченно покачала головой. – Каким же местом ты, Андрюш, ударился? Эх... Научиться бы так прицельно бить... Да я бы работала, не покладая рук! На выходе из школы с дубиной! Никто бы не ушел обделенным!

Я захихикал, представив.

Учительница пригорюнилась:

– Уходить в матшколу будешь? В двести тридцать девятую?

– Ни-ни-ни, – ужаснулся я. – Я на пару лекций на матмех сходил. По книгам быстрее темы понимаю. Так что самостоятельно. Побуду какое-то время математическим дилетантом.

– Смотри... О! – встрепенулась Биссектриса. – Я могу во Дворец пионеров тебя сосватать, там кружок сильный, Сергей Евгеньевич Рукшин ведет. Подумай. Читать книги мало, даже если каким-то чудом тебе удастся их понимать. Математика – это единственный предмет, который развивает мозг путем решения задач.

Я помолчал, соображая. Права она, права... Как же мне из-под этой правоты вывернуться?

– Понимаете, Светлана Павловна, боюсь я спортивной математики. Они ж в кружках натаскивают на олимпиады. Это специализация, а я не хочу заужаться уже сейчас. Я готов в олимпиадах участвовать. Но специально к ним готовиться – увольте. Да и почитал я в «Кванте» задачи прошлых лет... Они мне в основном по силам.

– На районную тебя записываю? – вычленила учительница главное.

Я обреченно вздохнул и махнул рукой:

– Пишите...

Суббота 17 сентября 1977 года, утро

Ленинград, Измайловский проспект

Утром, в тот небольшой промежуток времени, когда родители уже ушли на работу, а я еще был дома, извлек припрятанный в развалах журналов листочек и еще раз пробежался по списку. Швейная машинка дает вполне себе нормальную строчку. Теперь нужен материал для задуманного. И я накрутил телефонный диск.

– Квартира Сергеевых? Доброе утро, а Ваню можно?

В трубке раздалось удаляющееся пошаркивание, затем где-то вдали что-то забормотали, и вот мой торговый агент бурчит недовольное «алле».

– Гагарин, привет.

– Привет. – Голос стал напряженным. – Кто это?

– Мм... Москвич весенний, «Балканы». – Я делаю паузу, дожидаясь, пока информация прoderется сквозь еще сонные Ванюшкины извилины. – Вспомнил?

– А! Ага! – Неподдельное оживление на том конце провода. Ну да, комиссию он тогда получил знатную, да еще и в ресторане откушал. – Надо что?

– Так точно, – бодро откликнулся я. – Ты сегодня на пост заступаешь? Дело есть.

– С обеда буду... Даже чуть раньше, часов с двенадцати, – с готовностью отрапортовал Ваня.

– Отлично, – обрадовался я. – Давай так... Я где-то в два – два пятнадцать к Думе подгребу, будь в пределах видимости, о'кей?

– Может, что заранее подготовить? Ты скажи, я пройдуся пока.

– Эх, Гагарин, Гагарин... – с укоризной протянул я и добавил мечтательно: – В армию бы тебя отдать. Причем в войска связи.

– Это зачем? – растерялся он.

– Да чтоб назубок выучил правила радиообмена при общении по открытым линиям.

Гагарин закашлялся, потом уточнил вдруг севшим голосом:

– Значит, правда? А я думал, врут...

– Думал он, – проворчал я. – А чувство самосохранения в тебе спит глубоким сном? Ладно, встретимся – проинструктирую. И чтоб от зубов отскакивало потом.

В назначенное время Ванюша терся у подножия Думы. При виде меня в глазах его вспыхнула неподдельная радость, и он быстро-быстро доскреб палочкой остатки крем-брюле со дна картонного стаканчика.

Я с завистью огляделся, определяя ближайшую точку продаж. Местное крем-брюле было одной из вновь приобретенных радостей жизни. Нет больше в мире такого мороженого, сделанного по ГОСТу аж сорок первого года. Нет и, увы, не будет. Хотя... А для чего здесь я?

Сначала я озадачил Гагарина поиском новых джинсов и кроссовок взамен тех, из которых я за лето вырос.

– «Ливайс» нужен, – дал я указание.

«Так, – лениво ковыряясь уже во втором стаканчике, думал я, ожидая Ваню с добычей. – Пару рулонов джинсы куплю с заднего хода. Даже знаю, у кого и где. Греческая – нормальная, разницы никто не заметит. Нитки... Нитки пойдут обувные нейлоновые, пару катушек с «Красного треугольника» у работяг куплю и проварю в луковой шелухе до цвета охры. Самое то будет. Штампы на карман джинсы еще, слава богу, не ставят. Ручной пресс для установки клепок и пуговиц найду. Чтоб в СССР да ручного пресса не найти? Решу. Оверлок и петлепробивочная машина – вот без них никак. Ну, на первых порах можно будет в Доме быта договориться об использовании. Много ли мне надо? Минут пятнадцать поработать, пока они курят. А там посмотрю, может, куплю у кого старые списанные. Решить бы еще, куда их ставить... Ну да ладно, вроде все складывается в первом приближении. Остается Ваню озадачить».

Мы зашли в «Чайку», и Ваня действительно озадачился.

– Зачем тебе эти наборы? – выпучил он глаза. – Их мореманам цеховики оптом заказывают. Тебе-то зачем?

– Денег предки мало дают, жмутся, – хмуро пояснил я. – А знаешь, сколько стоит вечером девушку выгулять на дискотеку во Дворец молодежи? Ну если не жаться, конечно? С соком манго там, бельгийскими конфетками и прочими прибабасами? Много, причем от слова «очень». Так что пора и мне вспомнить, что труд сделал из обезьяны человека.

– И что?

– Во, посмотри рубашку. – Я распахнул куртку. – Нормуль?

Гагарин с подозрением изучил, даже пощупал.

– Ну нормуль. Хорошая. И что?

– Я сам сшил.

Ваня закашлялся:

– Врешь!

– Ха! У меня в этой области талант. Люблю и умею. Хобби такое. Так что, Ваня, будем сотрудничать дальше.

Он с большим сомнением воззрился на меня:

– В смысле буду тебе эти наборы лейблов, пуговиц и заклепок у мореманов покупать?

– Не только, Ваня, не только. Еще ты мои джинсы сбывать будешь.

– Да меня местные за самострок... Если я попытаюсь втиснуться со своим... – Он заврастал глазами, не находя слов.

– Спокойствие, Ваня, только спокойствие. Не через Галёру, а дешево, через комки. За хороший процент для тебя, конечно. Я бы и сам, но у меня паспорта пока нет. Смотри, – начал делиться я своими расчетами, – я прикинул, себестоимость одной пары джинсов порядка тридцати-сорока рублей.

– Себе... что?

– Стоимость всех расходуемых материалов, – пояснил я, раздраженно закатывая глаза к потолку. – Джинсы я, когда налажусь, могу за вечер шить. Предположим, ты через комки будешь сдавать по сто пятьдесят. Как думаешь, будут уходить?

– Ну, если самострок не слишком палевый...

– Обижаешь. Ты не отличишь.

– Это вряд ли, – усмехнулся Ваня. – Его всегда видно.

– Посмотрим. – Я демонстрировал непоколебимую уверенность, и Ваню это несколько смущало.

– Если не откровенное палево, то за сто пятьдесят через комок улетит, – подвел он черту.

– Отлично. Значит, комиссия семь процентов от цены – это чирик, материал сороковник... Двадцать тебе, устроит? С каждой проданной пары?

– И что, по двадцать пять пар в месяц будешь делать? – Ваня наклонился вперед, словно цапля, высматривающая в воде рыбешку.

– Разогнался. Я тебе что, раб на галере, так пахать? Три-пять в месяц. Столько мне пока хватит. Ну, по рукам? – спросил я, уже не сомневаясь в ответе.

Оставив Ваню дожидать обед, я расплатился и ушел.

«Лед тронулся! Лед тронулся, господа присяжные заседатели», – усмехнулся я парাপету канала Грибоедова и, пройдя всего несколько шагов, остановился как громом пораженный. Между фонарными столбами поперек дороги раскачивалась на ветру растяжка, приглашающая в Театр комедии на спектакль «Разговор с Лицинием».

– О как! – пробормотал я, отойдя от изумления. – Нет, ребята, пулемет я вам не дам. А вот «Красную звезду» перечитаю.

Воскресенье 25 сентября 1977 года, день

Ленинград, Павловский парк

Середина сентября выдалась хотя и сухой, но зябкой и ветреной, словно хотела побыстрее намекнуть школьникам, что все, баста, каникулы закончились, пора впрягаться. Но потом природа смиростивилась, и днем парным воздухом разливалось по улицам и дворам бабье лето. С утра, если выйти чуть с запасом, можно было неторопливо идти по солнечной стороне вдоль фасадов и беззаботно шуриться, впитывая лицом ласковое тепло.

В такие моменты в теле тугой струной вибрировала радость жизни, и я физически ощущал правильность всего происходящего. Где-то далеко, в сумраке прошлого, осталось циничное будущее с людьми, которых уже ничем нельзя удивить. «Пусть, – твердил я про себя, – пусть лучше придут те, кто умеет жить щедро, отдавая так, что вопреки всем законам природы у них прибывает и не кончается. Пусть, – молил я, – пусть то жуткое будущее разойдется в потоке времени, как расходится в океане извергнутое осьминогом чернильное пятно, без следа. И кол тому будущему в могилу», – заканчивал я тихим шепотом свою утреннюю молитву.

Впрочем, было понятно, что эти теплые дни ненадолго, и сегодня мы провожали последний отблеск лета. Выехали рано и потому успели в еще почти безлюдный парк. Искрился иней

на хмурой от утреннего морозца траве, свежий осенний воздух был, как горная река на мелководье, прозрачен до невозможности, а под ногами шныряли, выпрашивая подачки, яркие белки.

Наш смех разливался по аллеям, разгоняя сонную тишь. Время летело незаметно. Набегались на опушке в «пятнашку», проверили ловкость в «вышибалу» и под конец окучили «картошку» под преувеличенно жалобное повизгивание жертв. Затем сваленные в центр импровизированного стола бутерброды подарили нам ленивую сытость. Осоловев, мы мелкими глотками прихлебывали разлитый из цветастых китайских термосов обжигающе-горячий чай, а сложенный из тоненьких березовых прутьев костерок оведал нас горьковатым дымком.

– Вот и лето прошло, – промычал я, многозначительно поглядывая на почти голый дуб.

– Мне и вправду везло, только этого мало? – уточнила Яська, привалившаяся спиной к тому же стволу, что и я.

– Угу... – Дурачась, слегка притиснул ее. Хорошо, сразу с правого бока теплее стало.

– Дурачина. – Яся легонько хлопнула меня по плечу, освобождаясь.

Я смеюсь, нехотя ее отпускаю и, запрокинув голову, смотрю в небо.

Везло мне, везло, только этого мало. Лишь теперь до меня стала доходить вся грандиозность взваленной на себя миссии. Все чаще перед мысленным взором вставал образ муравья, пыжащегося сдвинуть гору. Тогда меня охватывала паника, и я прибежал к испытанному приему: вспоминал Архимеда с его «дайте мне точку опоры» и опять искал критические моменты в состоявшейся истории, когда случайное движение порой всего одного или нескольких действующих лиц приводило к грандиозному обвалу. Да, я могу выступить корректором в таких точках, могу и выступлю. Но хватит ли этого?

Яська нетерпеливо ткнула меня в бок острым локотком:

– Ну, о чем задумался, детина?

– Да вот, – вздыхаю я, – надо бы болящую навестить. Может, зайдем после?

Яська загадочно смотрит на меня и чему-то улыбается, потом отвечает:

– Конечно.

Я киваю и опять заглядываюсь на небо. Томка вчера умудрилась свалиться с простудой, и теперь у меня есть благовидный предлог зайти в гости без приглашения. Давненько я там не был, аж с весны...

Обвел взглядом наш привал. Вроде бы никто к нам не прислушивается, только Зорька иногда бросает от соседнего дуба контрольный взгляд мне в голову. Вот ведь... То ли я был в прошлый раз менее внимателен, то ли в этот раз ее тянет ко мне сильнее.

Повернулся к Ясе и тихо спросил в ушко:

– Ну как там? В общем, если?

– Уже лучше. – Мой некузявый вопрос не поставил Яську в тупик. Она призадумалась, а потом прыснула, что-то вспомнив, и посмотрела на меня смеющимися глазами. – Томка такая забавная сейчас бывает, ей-ей! В конце августа, бывало, как замрет с такой мечтательной улыбкой... Аж завидки брали. Иногда приходилось ее щипать, чтоб вернулась на землю.

– Очень мило, – фыркнул я раздраженно. – Ты уверена, что надо мне это рассказывать?

– погоди, не торопись. – Яся слегка толкнула меня плечом в плечо. – Я ж сказала – раньше.

Я зарычал и попробовал встряхнуть ее за шиворот.

– Не испытывай мое терпение, женщина!

Яська жизнерадостно взвизгнула, и Зорька метнула в нее взгляд, полный ревнивой муки.

– Да ладно, ладно! – Яся неторопливо взбила растрепавшуюся челку, насмешливо стрельнула глазами в сторону Зорьки и зашептала, сладко щекоча теплым воздухом мое ухо: – А сейчас у нее порой возникает такое недоуменное выражение. Ну вроде как: «Во что это я вляпалась и как это могло со мной случиться?» Понимаешь?

Я довольно улыбнулся, потянулся и, вставая, подвел итог:

– Это хорошо. Заглянем в гости. Пойду кленовых листьев наберу.

Вечер того же дня

Ленинград, Измайловский переулочек

Я вдавил звонок и глубоко вдохнул, пытаюсь успокоить грохочущее сердце. Яся покосилась на меня с легкой улыбкой и выставила перед собой багрянец листьев. Лязгнул крюк, открылась дверь, и она шагнула в прихожку. Я выдержал короткую паузу и зашел следом. Увидев меня, мама Люба, успевшая уже потискать Ясю, подобралась.

– Ну здравствуй, Андрей. Давно не заходил. – Она многозначительно посмотрела на меня.

– Здравствуйте. Да вот все как-то... То каникулы, то... – Я замялся, подбирая слово. – То другое. Да.

– И решился зайти наконец? – прищурилась мама Люба с легкой усмешкой.

Яся скинула резиновые сапожки, пальто и вприпрыжку исчезла в глубине квартиры. Я проводил ее взглядом, принялся к тонкому и отдаленно знакомому аромату, пытаюсь вспомнить, где с ним встречался, затем махнул рукой:

– Да разберемся мы...

Мама понимающе кивнула, и я с облегчением перевел разговор с неудобной темы:

– Что у нее? Врача вызывали?

– Ангина.

– Температура высокая? – деловито поинтересовался я, вешая куртку на вешалку.

– Тридцать девять с половиной, – пожаловалась мама Люба.

– У-у-у... – обеспокоенно вырвалось из меня.

В голове молнией мелькнуло: «Как бы осложнение на почки не получить», – и мозг без задержки выкинул на язык:

– Тогда антибиотик из цефалоспоринов, аспирин, чем-нибудь десенсибилизирующим прикрыться, например, супрастином, и много-много питья. Сладкий чай с лимоном, морс кисленький – три литра в день. И строгий постельный режим не менее чем на неделю.

– Как-как? – заинтересовалась мама Люба, хватая лежащий рядом с телефоном огрызок карандаша. – Дай запишу. Це-фа... что?

– Пишите, – уверенно сказал я и продиктовал по слогам: – Це-фа-лек-син, по пятьсот миллиграммов. Берите сразу три упаковки, там по три таблетки в день идет, вам как раз на десять дней приема хватит.

Мама быстро зачирикала на листке.

И тут до меня дошло:

«Черт... Ты бы еще из пятого поколения антибиотик предложил...»

Бумажка опустилась в карман передника.

– Э-э-э... Ну... А если в аптеке не будет или без рецепта не дают, – замямлил я, примериваясь, как выбраться из ловушки, в которую сам же себя загнал, – то оксациллин или эритромицин. Да, так даже лучше будет!

– Оксациллин врач и прописала, – кивнула мама. – Минут двадцать как ушла.

«Ах так вот откуда такой знакомый аромат! – Я чуть не хлопнул себя по лбу. – Ну да, на одном, видимо, участке живем. А это мне крупно повезло, что разошлись. Вот смеху-то было б... Только тут нашей с ней клоунады не хватало».

Щеки запылали нездоровым жаром.

– В медицину пойдешь? – заинтересовалась мама Люба моими неожиданными познаниями.

Я поймал себя на том, что сверлю жадным взглядом карман ее передника, и смущенно отвел глаза.

– Не уверен... У меня в последнее время математика отлично пошла. Да что там пошла – полетела просто, – начал я закладывать фундамент будущей легенды. – Так что и на точные науки могу пойти. Но время еще есть обдумать.

– Да, до конца этого класса можно выбирать, – легко согласилась мама Люба. – Ну... Иди к болящей, только ненадолго. А потом на кухню, чаю попьем.

Я зашел в Томину комнату. Да, серьезно ее пробрало. Обметаны темными полукруглыми обессиленно прикрытые глаза, на бледных губах – ломкая корочка, припухлости под углами челюстей... Присел на край кровати и положил руку на сухой пылающий лоб. Как бы не за сорок уже.

– Привет...

Тома приоткрыла глаза и послала слабую извиняющуюся улыбку.

Я заставил себя убрать руку и озабоченно спросил:

– Аспирин пила?

Она через силу кивнула и слегка поморщилась.

– Давно?

Скосила глаза на настенные часы и прошептала слабым голосом:

– С полчаса назад.

– А, хорошо... Сейчас должен будет подействовать. Молоком запивала?

Тома отрицательно качнула головой.

«Вот двоечница! – в сердцах воскликнул я про себя. – Не сказала, что аспирин надо обязательно запивать молоком. У-у-у... Встречу – накажу!»

– Голова болит?

– Да... – жалобно пискнула Томка.

– Ну, милая, – я положил пальцы ей на виски и помассировал круговыми движениями, – потерпи, скоро пройдет.

Откуда-то из-за плеча долетело приглушенное Яськино фырканье. Я проигнорировал.

Взял двумя пальцами беззащитное ушко и скатал в трубочку. Отпустил.

– Точно, мягкое, как тряпочка... Как я и подозревал.

Тома улыбнулась, легко-легко, самым краешком губ. Довернула голову на подушке, и какое-то время мы просто молча смотрели друг другу в глаза. Лицо ее постепенно приобрело умиротворенный оттенок, затем она чуть заметно поморщилась, и ее веки смежились.

Я понял:

– Ну... Выздоровливай. Мы пойдем...

Она чуть двинула головой, отпуская, и мы с Ясей на цыпочках двинулись на выход. От дверей я оглянулся: Тома тихонько улыбалась в полутемный потолок.

Глава 4

Понедельник 26 сентября 1977 года, вечер

Ленинград, Измайловский проспект

О том, что ровно месяц назад я тыкал кинжалом в печень человеку, вспомнилось совершенно внезапно, и меня передернуло от отвращения. Ну да, и не человек это был, а так, человечка... И не зря тыкал, а за дело, пусть и не в этом временном потоке. Да и не то важно, за что, как другое – спасая кого и от чего... Но все равно осталось какое-то гадливое чувство. Может, оттого, что тогда в какой-то момент почувствовал удовольствие?

Я повертел в руке свой только что законченный труд – первый учебный нож. На рукоять пошел кусок толстого шершавого пластика, подобранный на свалке. Он-то, собственно, и навел меня на мысль поработать в этом направлении. Навершие и клинок вырезал из мягкой резины, прикупленной в сапожной мастерской. А через рукоять и клинок, на две трети его длины, проложил полусантиметровой толщины металлическую пластину.

Взял изделие прямым хватом и попробовал нанести пару резких проникающих ударов по воображаемому противнику. Да, еще далеко не мастер... Движения тренировать и тренировать. Но нож удался. Баланс, вес, инерция – просто идеально для тренировки. Чувствуется как реальный нож. Буду набирать навык, кто знает, что и когда в хозяйстве пригодится?

Я еще немного поэкспериментировал, а затем упал на ковер и расслабился. Взгляд скользил по приглушенной полутьме потолка, следуя за разбегом мельчайших трещинок, бороздящих старую побелку. Отрешившись от всего, я искал окончательное решение одного вопроса.

До сих пор все было однозначно: зло – это зло и есть, ошибиться невозможно. Устранил – стране стало лучше. Сейчас же я впервые не знаю, к чему может привести воздействие.

«Ну хорошо, – подумал я, перекачиваясь на живот. – Они уже вогнали Брежнева в барбитуратную зависимость. Неумышленно, конечно. Недооценили опасность препарата вообще и повышенную чувствительность Генерального к нембуталу в частности. Возраст, да и печень посадил в шестидесятом. Полез зачем-то на стартовый стол через несколько часов после взрыва ракеты. Что ему там делать-то было? На обугленные тела смотреть? Вечно он себе приключения на задницу находит. То в урановую шахту спустился на смену, то в облако гептила на Байконуре пошел...»

Но насчет повышенной чувствительности к барбитуратам станет ясно потом, постфактум. Пока же просто борются с бессонницей и раздражительностью, что возникает из-за сокращения курева. Прикрылись легким, как они думают, транквилизатором.

Значит, все будет идти так, как идет: ускоренное дряхление, резкое снижение работоспособности, падение критичности, нарушение координации, будет плыть разборчивость речи – классика барбитуратной зависимости.

Но что случится с историей, если его пересадить с барбитуратов на бензодиазепины? Нитрозепам-то уже есть. А сверху прикрыть ноотропами... К примеру, фенибутом, он уже разработан и даже есть в аптечке космонавтов.

Что на выходе-то получим? Лучше станет стране от сохранившего критичность и работоспособность Брежнева или хуже?

Я сладко потянулся и отправил себя на кухню. Пообедаю, и за письмо. Юрий Владимирович уже заждался весточек от Квинта – скоро четыре месяца, как ничего ему не писал. Вон афиши уже по городу расклеивают с предложением поговорить.

Ладно, попробую полечить экономику, посмотрим, что из этого выйдет. И начну профилактировать Чернобыль, а то как раз сегодня по радио услышал радостное сообщение про включение первого энергоблока в сеть. Плюс подкину кое-что из геологоразведки для поддержания реноме. Ну и дорогой Леонид Ильич...

Эх, проблема выбора в том, что он есть. Я еще немного помаялся и, мысленно махнув рукой, решил: «Ладно. Из двух зол выбираю то, которое раньше не пробовал. Значит, письмо будет из четырех блоков. Инфляция, месторождения, реактор «Бук» и Брежнев. Вы уж не обманите мое доверие, Юрий Владимирович...»

Вторник 27 сентября 1977 года, вечер

Ленинград, Тучков переулок

В первый раз к маме на работу я явился незванным гостем. За страшеньким фасадом с надписью «Библиотека Академии наук СССР» на фронтоне таились километры книжных и журнальных полок. Книжки-то ладно, а вот журналы! Для реализации замысла мне надо залегендрить знакомство с несколькими десятками статей. Не сейчас, конечно, потом, где-то через год, когда этот вопрос встанет. А он ведь встанет...

Мало было в стране библиотек, сопоставимых по своему журнальному фонду с этой. А чего вдруг нет, всегда есть в другой библиотеке по межбиблиотечному абонементу. Мне крупно повезло, что мама работает именно здесь, а режим в советских учреждениях такого типа очень формальный.

Сначала я сослался на профориентацию. Мол, мама, что-то у меня математика подозрительно хорошо пошла, за лето всю школьную программу изучил до конца, теперь хочу понять, будет ли и дальше так же легко. Не читать же мне институтские учебники у прилавка в Доме книги?

Для первого визита сошло, а дальше я зачастил в БАН чуть ли не через день, зависая там до самого вечера. Я устроил себе рабочее место в неглубоком проходе между каталожными шкафами и шел методом сплошного чеса, просматривая подряд все номера журналов. В основном запоминал, где что лежит, дабы сослаться при случае, но кое-что с интересом читал. «Annals of mathematics», «Journal of Number Theory», «Journal of Algebra», «Topology» – я уже просмотрел эти журналы за последние тридцать-сорок лет, не отходя далеко от полок, на которых они покоились.

Сегодня я процеживал в поисках интересующих меня методов «Mathematical Programming», когда справа, из прохода, ведущего в зал, раздался глуховатый, с легким кавказским акцентом голос:

– О, а что вы тут делаете, молодой человек?

Я привстал с табуретки-лестницы и повернулся. На меня с легкой улыбкой пристально смотрел пожилой армянин.

Сделав честные глаза и выгадывая время, я ответил:

– Каталог изучаю... И журналы по математике. Вот в частности. – Я махнул рукой в сторону стопки отложенных журналов.

– А кто вас сюда пустил, молодой человек? – ласково уточнил незнакомец. – На научного работника, для которых предназначено это заведение, вы, уж извините, пока не очень походите.

Черт. Очевидно, он имеет право задавать такие вопросы.

Я быстро прикинул варианты, причем первым почему-то был «сделать ноги». Перед глазами промелькнул маршрут побега со всеми его поворотами, лестницами и переходами, и я порадовался тому, что добегу до вахтерши раньше, чем он туда докричится.

«А собственно, с чего я так напрягся? – сообразил с облегчением. – Ну не принято сейчас увольнять с работы за такое. В худшем случае маму слегка пожурят».

И я вежливо уточнил:

– А что отличает научного работника от остальных? Бумага с печатью или научный способ мышления?

– О как! – Мужчина прислонился к шкафу, готовясь к разговору. – Интересная постановка вопроса. Даже правильная. Что-то знаете о Декарте?

– О Декарте... – Я ненадолго задумался, затем огорченно развел руками: – Да он уже несколько десятилетий как не очень актуален. Декарт, Лейбниц... Им повезло, что они не дожили до Гёделя. А вот Расселу и Гилберту повезло меньше.

– Да что вы говорите?! – Сарказм щедро сочился из каждого слова незнакомца.

– Да, – грустно покивал я. – Да... Представляете, этот негодяй Гёдель обрушил все здание современной науки. Вся декартовская наука, вся эпоха Просвещения зиждилась на том, что все сущее можно доказать и познать. Все! Ну а чего доказать и познать нельзя – того, значит, и не существует. Какие титаны строили этот храм науки! Сколько столетий! А потом пришел Гёдель, вероятно, величайший логик всех времен, и выдернул из-под этого здания фундамент. Оказалось, что ничего нельзя познать полностью и непротиворечиво, и для любой системы научных знаний будут существовать парадоксы и необъяснимые явления. Храм науки еще висит в воздухе, бригады строителей продолжают растить башенки вверх, а фундамента уже нет. А самое страшное знаете что?

Как выразительны все же армянские глаза! Сначала, до того как я начал свой спич, они были снисходительно-ироничны с оттенком легкого добродушия. Эдакий взгляд пожилого и предельно сытого кота на сдуру выбежавшего из-за угла мышонка. Потом в них промелькнуло удивление, вызванное не содержанием моей речи, нет, лишь ее связностью, способностью нанизывать слово на слово. А затем, когда он вслушался в смысл, это легкое удивление сменилось недоверием и под конец – опаской.

Я выдержал паузу, и незнакомец, кривовато улыбнувшись, переспросил:

– Ну и что? Не томите.

– А вот. – Я повернулся и ткнул пальцем в один из журналов: – Десять лет назад доказали... Как бы это объяснить... Смотрите, есть истина нашего мира. Ну то, как на самом деле он устроен. Эта истина состоит из бесконечного числа истинных утверждений. Гёдель доказал, что они делятся на доказуемые и недоказуемые. А намерении выяснилось, что класс недоказуемых утверждений бесконечен. Вдумайтесь в это! Мы не только никогда не будем знать о мире все, но мы даже не будем знать, какую часть истины мы познали, а сколько нам осталось неизвестного, поскольку от нас сокрыта бесконечность истинных, но недоказуемых утверждений! Здорово, правда? И этот барьер принципиально непробиваем, вне зависимости от степени нашего развития и усилий, бросаемых на познание мира.

– А вы уверены, – мужчина пошевелил в воздухе пальцами-сосисками, – что правильно поняли написанное?

– Увы, – кивнул я, – уверен. Хотите, подберу статьи из журналов?

– Да, – очнулся мой собеседник. – Кстати, возвращаясь к моему первому вопросу...

– Ой, Давид Варганович! – Из-за угла весьма кстати вывернула мама. – Здравствуйте.

– А, Ирочка, здравствуй. Не знаешь, чей это молодой человек и что он тут у тебя делает?

– Это мой... – мама зарозовелась и молитвенно сложила руки, – Андрюша, он пришел меня проведать. Попросился журналы по математике посмотреть. Он ею интересуется.

– Кхе... – Давид Варганович шагнул вперед, к раскрытому журналу, и наклонился, пытаясь вчитаться в густо испещренный символами текст. Хватило его ненадолго, от силы на абзац. – Вроде и английским свободно владею, – чуть смущенно признался он, – а ни одной фразы не понимаю.

Директор БАНа выпрямился и устремил на меня оценивающий взгляд, что-то про себя решая. Я замер не дыша. Если меня исторгнут из этого рая, будет очень нездорово. Альтернативы нет.

– Хорошо, Андрей. Пойдемте.

Он развернулся и решительно зашагал по залу. Я пристроился рядом.

– Странно, – заговорил Давид Вартанович, чуть придя в себя, – я ничего такого не слышал. Нет, я, конечно, не математик. Я всю жизнь с хлопчатником работал, – доверительно сообщил он, – но у меня был учитель, да. Вавилов, слышали о таком?

– Э-э-э... Раз хлопчатник, значит, Николай Иванович?

Давид Вартанович с одобрением посмотрел на меня:

– Молодец. Да, он. Быть его учеником – это, знаете ли, накладывает, да. Я стараюсь быть в курсе науки вообще, смотреть широко. Но такого не слышал, нет.

– Понимаете, это как в доме повешенного не принято говорить о веревке, так же и в храме современной науки не любят вспоминать о Гёделе. Его теорема о неполноте ничуть не сложнее для популяризации, чем теория относительности Эйнштейна, но популярности не наступило. Может быть, потому, что люди все еще хотят надеяться, что кто-то наконец скажет им всю настоящую правду – сиречь истину? А нет ее больше. Светлая ей память, она была так красива и так страшна, но поиск ее был так велик.

– Может, какая-нибудь ошибка? – с надеждой спросил мой спутник.

Мы остановились на широкой лестничной площадке у огромного, метров пять в высоту, окна. Директор БАНа тяжело переводил дух, пытаясь справиться с одышкой.

– Да вряд ли. Уже почти пятьдесят лет минуло. Два поколения математиков перепроверяло. Это ж не синхрофазотрон, тут только лист бумаги да карандаш надо. Кстати, ситуация с этим кризисом очень на физику похожа. Ну помните, все эти настроения конца прошлого века, что все уже открыто и известно, осталось по углам немного разгрести? А из тех углов как повалили то квантовая физика с ее принципом неопределенности, то теория относительности Эйнштейна? Вот и в математике так же было тогда. Уже все, финишная прямая, почти полная ясность в основах. Вот-вот, и будет создана самоочевидная аксиоматика, из которой на основе однозначной логики станет расти весь куст человеческого познания. Рассел как раз написал фундаментальный трактат «Принципы математики», чтобы, значит, навести полный и окончательный порядок в этой науке. Так, чуть-чуть небольшие неясности остались, кое-где подрихтовать – и все. Первым из великих, кстати, Гилберт заподозрил недоброе. Ну право, это ж не зер гут, когда из парадоксов, обнаруженных в теории множеств, без всякой логической ошибки можно вывести, что один равняется двум! Риманы еще всякие хулиганят, попрекают недоказанностью пятого постулата Евклида. Непорядок. И Гилберт в ответ составил целую программу исследований для будущих поколений. Если бы ее выполнили, то, в частности, доказали бы, что полнота мира принципиально познаваема. А Гёдель взял и доказал обратное! И этим закрыл век Просвещения. Все. Мы никогда не познаем весь мир.

– Это... Это сильное утверждение. – Давид Вартанович со значением поднял толстый палец. – Как бы это вам, Андрей, сказать... Не надо его говорить здесь громко, да.

Я улыбнулся:

– Понимаю. Эта непознаваемая область – бальзам для теологии и мистицизма. А уж если вспомнить другие подвиги Гёделя... Он же работал бок о бок с Эйнштейном, на одной кафедре в Принстоне, был одним из немногих, кто почти сразу полностью разобрался в теории относительности. Так вот он, разобравшись, доказал, что в рамках этих уравнений можно построить космологическую модель с замкнутым течением времени, где удаленное прошлое и удаленное будущее совпадают... Фактически он показал принципиальную возможность путешествия во времени, и пока это никто не опроверг. Просто отодвинули в сторону и забыли. А как вам его слова о том, что время является величайшей иллюзией? Что когда-то оно перестанет существовать и наступит иная форма бытия, которую можно назвать вечностью?

– Да... Хорошо сказано. О! – Давид Вартанович звучно хлопнул себя по лбу. – Хех... Молодой человек! Ну вы меня и запугали своим Гёделем. Сразу и не сообразил! Ленин ведь говорил о непознаваемости материи. Как там... «Процесс человеческого познания бесконечен, как бесконечна вечно развивающаяся материя, поэтому человек не может выразить объ-

ективную истину сразу, целиком, абсолютно». Вот! Уф... – Он победно взглянул на меня, а потом измерил взглядом оставшийся нам высокий пролет и решительно двинулся на приступ. – Ладно, пойдем, Андрей.

Наш путь закончился в огромном длинном зале. Высоченный, на два этажа, потолок. Вдоль стен, упираясь в идущую по кругу резную ограду внутреннего балкона, пристроились ярусы старинных книжных шкафов. Ряды столь же много повидавших столов поперек зала взывали к солидности своими обтянутыми черной кожей столешницами. Неяркий свет приплюснутых светильников пробивался сквозь матированное зеленоватое стекло на раскрытые книги детских форматов. Читальный зал, сердце библиотеки, был заполнен примерно наполовину.

– Алина! – Директор БАНа подошел к женщине-регистратору. – Оформите молодому человеку читательский билет. Бессрочный.

Он повернулся ко мне:

– Давайте, Андрей, дерзайте. Мой учитель часто повторял: «Батенька, жизнь слишком коротка, нужно спешить». Так что вы все делаете правильно. Удачи вам, терпения и характера. – Давид Вартанович посмотрел куда-то сквозь меня и со вкусом сказал: – Вечность... Эх, что вы, молодежь, можете в этом понимать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.